

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Содержит все интереснейшее и разнообразное

В изд. "Юніонъ" состоится КОНЦЕРТЪ Маріи Ивановны Долиной

Анонсъ. состоится ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ известной артистки, всемирно-известной

ВЪЗЛАНОВОЙ БИРЖИ Въ этомъ домѣ 6 странъ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (80).

Январь. 2012 год.

СОБЫТИЯ — 2011

Колонка редактора

Нет, это не попытка подвести итоги жизни нашей планеты (а одесситы давно уже обитают на всех континентах), не попытка разобраться в том, повысилась ли средняя зарплата (средняя температура больных в клинике) в стране, это мое представление о топовых (современный сленг) культурных событиях в Одессе, тех, что действительно представляются мне Событиями. И то, что они были, что их немало, доказывает, что Одесса жила, живет и будет жить.

Пожалуй, самое яркое событие для меня — открытие памятника Исааку Бабелю. И фотографию именно этого памятника я вынес, как плакат, на первую страницу газеты, где рядом с писателем — авторы памятника: скульптор Георгий Франгулян и архитектор Михаил Рева.

Сопутствовал открытию памятника, инициированного Всемирным клубом одесситов, выход двух книг — "Конармии" И. Бабеля и сборника статей Ростислава Александрова "Волшебник из Одессы". Оба эти издания начинают новый совместный проект издательства "Пласке" и Всемирного клуба одесситов по выпуску серии книг "Одесская библиотека".

Предшествовал открытию памятника Бабелю Международный литературный фестиваль, организаторами которого стали Одесский литературный музей (директор — Татьяна Липтуга) и московский журнал "Октябрь" (главный редактор — Ирина Барметова). На фестивале выступали писатели Юрий Кублановский, Вячеслав Пьецух, Валерий Попов, Дмитрий Быков; профессор МГУ Николай Богомолов и профессор Римского университета Клаудиа Сандура; показывали свою выставку Татьяна Назаренко, спектакль по рассказам деда — Андрей Бабель-Малаев; делились секретами мастерства Резо Габриадзе, Асар Эппель, Давид Маркиш...

Литературные события 2011 года — это выход в Одессе книг Михаила Жванецкого "Жаркое лето (читать зимой)" и Олега Губаря "Энциклопедия забытых одесситов". А в конце декабря стало известно, что на конкурсе "Книга года", проводимом британской медиакорпорацией Би-Би-Си, автором лучшего художественного произведения 2011 года в Украине признан одесский писатель Владимир Рутковский — за двухтомный роман для юношества "Синие Воды". Начал в 2011 году выходить литературный журнал "Южное сияние".

И еще один фестиваль представляется мне значимым, я бы сказал — перспективным. Это Одесский кинофестиваль, напоминающий о том, что кинофестиваль в Одессе уже был ("Золотой Дюк"), и дающий надежду на то, что кино в Одессе еще будет. А в этом году по красной дорожке Одесского кинофестиваля прошли Богдан Ступка и Федор Бондарчук, Никита Михалков и Джон Малкович и многие, многие другие.

К сожалению, ни одно из воздвигнутых зданий в 2011 году не входит в мое представление о значимых событиях. Зато завершилась реставрация гостиницы "Красная" (ныне "Бристоль"). Я вспоминаю, что бар этой гостиницы долгое время был своеобразным клубом творческой интеллигенции, где нередко можно было увидеть художников Олега Соколова и Славу Сычева, писателей Юрия Михайлика и Александра Батрова. Может, с реставрацией гостиницы возродится и былый дух этой прославленной кофейни.

Как всегда, были интересные, значительные выставки. Музей современного искусства Одессы открыл выставку "Одесские классики", в ходе которой предоставил зал культовому для нашего города художнику Олегу Соколову. Коллекционер Александр Дмитренко в шести залах Музея западного и восточного искусства показал свое собрание автопортретов одесских художников. Персональные выставки Михаила Божия, Давида Тихолуза — мой выбор из более чем ста выставок этого года.

Не забыть бы, что открылась на Дерибасовской, на Пассаже, мемориальная доска Льву Сергеевичу Пушкину, жившему и умершему в Одессе, работы скульптора Клим Степанова.

Таковы для меня ТОП-15 событий ушедшего 2011 года.

Давайте надеяться, что 2012 год окажется не менее щедрым.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Фото Анны Голубовской

В понедельник, 8 августа, в ресторане "Одесса" в городе Таллинн состоялось праздничное заседание Эстонского клуба одесситов. Нам уже два года! Как же быстро летит время...

За эти два года мы успели объединить около 50 человек, связанных с Одессой, в единый клуб. И наши ряды неуклонно растут. Вот и на праздничное заседание явились две дамы, побывавшие в Одессе в рамках Дней Таллинна в Одессе и страстно мечтающие стать членами клуба.

Нас объединяют любовь к Одессе, совместные поездки, культурные мероприятия и, конечно же, одесская кухня.

В ходе дня рождения клуба возникла оригинальная мысль: на следующем заседании заняться совместной лепкой вареников в Украинском землячестве. А с нашими людьми "там" мы договорились.

Благодарим всех, кто сотрудничает с нами и помогает жить в неразрывной связи с Одессой-малой!

Эстонский клуб одесситов.

Поздравляю с первой, очень достойной, оценкой "Конарии". Я говорю — "с первой", т. к. не сомневаюсь, что и в дальнейшем эту книгу признают высокохудожественной во всех смыслах.

Удач.

Виктория Ладженская.

Поздравляю, Леночка!

Одесса с Бабелем — это не то же, что Одесса без Бабеля. Эта акция тебе, где следует, зачтется. Как говорит в таких случаях Ян Попоровский, тебе есть с чем идти к Богу!

Всем знакомым одесситам привет и мои наилучшие пожелания.

Белла Керман.

Одесситы всех стран, не забывайте!

Для вас открыты двери Клуба.

Клуб, который открыл свои двери всему миру!

Клуб, превратившему нас из диаспоры в граждан одесской национальности (несмотря на наши паспорта) самой высшей одесской пробы и покрывших, как сказал Классик, "тонким слоем всю планету".

И как раньше теплое мамин плечо давало нам уверенность в защите и доброте, так и КЛУБ дарит нам эту необходимую даже взрослому доброту и теплоту.

Какое счастье, что задуманный вами проект завершился памятником Бабелю, в котором мы все объединены крошечками собственного участия. Спасибо за эту возможность! Вы украсили бабелевскую "Конарию" волшебством графики Ладженского (старый альбом Ладженского "Город у моря" украшает мои книжные полки). Теперь нас много, влюбленных и благодарных друзьям легендарным Почетным членам Нашего Всемирного Клуба.

Для нас ты, Клуб, как "открытые" двери Оксиджавы; это ты, Клуб, нас на берег вытаскивал к счастью...

С праздником!

Михаил Обуховский.

Клубу одесситов от одинокого одессита Урала в подарок — моя песня за Одессу, диск "Седой Урал — Одесса-мама — транзит". Выпускник Одесского автомеханического техникума 70-х Олефир Анатолий.

Доброго дня, Леонид! Спасибо за весточку из Одессы — города моей бестабильной юности. Позволь мне время от времени посылать тебе свои наброски о МАМЕ. Я ее видел не из окна родительской квартиры, а из общины автомеханического техникума на Дидрихсона. Мои учителя были прекрасные люди Одессы. Светлая память тем, кто ушел, и доброго здравия ныне живущим. С некоторыми одноклассниками благодаря Интернету поддерживаю связь, а многие разбрелись по всему свету, как и я. Еще раз благодарю, Леонид, и пусть прозвучит одна из моих песен — воспоминание о тех далеких годах — "Дикий пляж" в моем любимом городе. С уважением — Олефир Анатолий.

Письмо от Клуба одесситов Санкт-Петербурга

Официальное письмо пришло в адрес Клуба

из Генерального консульства Украины в Санкт-Петербурге:

"Председателю — командору Клуба одесситов Санкт-Петербурга "Северная Пальмира" А.В. Кириченко

Уважаемый Александр Викторович, от имени Генерального консульства Украины примите наши искренние поздравления по случаю прекрасного праздника в жизни одесситов — Дня города!

Сердечно поздравляю Вас лично и членов возглавляемого Вами Клуба, хранителей наследия уникального города — воспетой Л. Утесовым "жемчужины у моря", бесценных образцов неповторимого и неподражаемого юмора!

Пользуясь предоставленной возможностью, разрешите выразить Вам — как своему коллеге, одному из активных представителей народной дипломатии — слова благодарности за активную пропаганду исторического и культурного наследия черноморской столицы Украины и личный вклад в укрепление дружественных взаимоотношений между морскими и культурными столицами двух стран.

В этот праздничный день разрешите также пожелать Вам лично и всем проживающим в городе на Небе одесситам дальнейших свершений и успехов в реализации жизненных планов и наряду с этим — крепкого здоровья, тепла и взаимопонимания, семейного счастья, мира и добра!

С праздником!

С наилучшими пожеланиями —

**Генеральный консул Украины
Н.В. Трокопович**

Поздравления питерскими одесситами получены также из штаб-квартиры Всемирного клуба одесситов на Маразиевской, где традиционно проводился День открытых дверей и присутствовали гости из-за дальних, а именно американских, канадских и немецких рубежей. Соответственно, с приветствиями на чистейшем одесском языке.

Ну и, конечно же, ставшая традиционной первая в сезоне 2011/2012 годов послеотпускная встреча КОСЛОВИЧЕВ в арт-кабачке "Одесса-мама". На столах почтеннейшую публику ожидали свежие номера "Всемирных одесских новостей" — привет из ВКО.

Налажен деловой контакт с сотрудниками Государственной музея истории Санкт-Петербурга, готовится документ в наш адрес, подтверждающий факт пребывания адмирала де Рибаса во Дворце Бецкого. По получении этого документа становится возможным официальное обращение в городскую комиссию по мемориальным доскам. Чтобы в год 260-летия Адмирала решить вопрос об увековечивании его памяти.

Народ поделился впечатлениями об Одессе — кто успел побывать. Противоречивыми, улы... Ну, все течет, все изменяется. Будем надеяться, что все перемены в любимом городе будут к лучшему. И как, кажется, было сказано: "Одесса — замечательный город, который придумали давно уехавшие отсюда". Сквозь дождливую питерскую пелену он нам кажется ярким, веселым.

Уважаемый Леонид!

Недавно мы нашли статью уважаемых Красновой и Дроздовского на сайте ВКО, где упоминается имя моего прадеда — Почетного гражданина города Одесса (до революции 1917 года) доктора Тирша Львовича Киссера. Я живу в Сан-Франциско и хотела бы переслать вам еще кое-какие материалы и его фото. Семья жила на Комсомальской и Тираспольской улице в угловом доме.

Спасибо огромное авторам статьи. Марина Таруч.

Самый последний документ на этой странице подписан моим прадедом О.Л. Киссером. Он заведовал первой почтой БЕСПЛАТНОЙ СКОРОЙ ПОМОЩИ в Одессе. Его имя еще упоминается и в тексте этой статьи.

У деда даже была персональная лежанка в цирке — он был почетным гражданином города Одесса. tmarina2002@aol.com 17 сентября 2011.

Дорогие всемирноодесситолюбивцы!

Случайно набрела на ваш сайт и преиспол-

нилась благодарностью к вам — за то, что создали его, и ностальгией по Одессе. Мне смешно говорить о ностальгии, так как я впервые побывала в Одессе только в этом году, в сентябре. И влюбилась в нее безоглядно. И теперь тоже пою: "Есть город, который я вижу во сне".

Я хочу признаться в любви к Одессе (о, какая я по счету в этом признании?).

Одесса — воистину улыбка Бога!

Пусть никто никогда не спешит. Бредешь себе по улицам, куда глаза глядят.

Туря по Пушкинской, кого ж можно встретить? Ах, Александр Сергеевич, милый.

Улыбаясь Дюку, ходить по Приморскому.

Заглядывать в "итальянские дворники" с развешанным бельем — все гадаю, как же его так развешивают.

Мой любимый "Компот" на Платейной-новской, где какао подают не только с круасанами, но и с комментариями, а саксофон в туалете — как рожь в кустах.

Это все, а еще чайки над волной, белый песок Аркадии, разноцветные доки в порту создают те моменты счастья, которые наполняют заряд душевного запасаного аккумулятора — и он включается, если вдруг подсадет основной. А если ты сидишь у самой крапки, то каждую твою мысль уносит волна, и до следующего прилива приходится придумать что-нибудь новое.

Одесситы — мастера оформления витрин. Я видела булочную детскую комнату — как будто сейчас прилетит Питер Пэн.

А на "Приводе" есть всё и еще немного. Там с удовольствием, даже с наслаждением торгуются и спрашивают с непередаваемым одесским акцентом: "Барышня, вам на покушать или таки на посмотреть?" И на "Приводе" единственное в мире молодое вино, от которого возникает ощущение "прохладного жара".

Здесь так же, как и раньше, играют в шахматы в Торсаду. И в Торсаду играет джаз.

А на Дерибасовской хорошая погода и прекрасные цветочницы.

А в Саду иронических скульптур оживает "Зеленая антилопа".

А фонтан возле Оперного — волшебный. В нем всегда появляется радуга!

Но все кажется — как-то говорю штампанами, а хочется — ощущениями, наглотили котами из Лузановки, которые как будто говорят: "Ты, конечно, покоришь и погладь меня, а я и паничлюкаю, но мы-то оба понимаем, кто здесь настоящий хозяин, правда?"; шепотом каштановых листьев по Приморскому, неповторимым одесским говором, пропитанным вкусами юмора и любовью к жизни воздыхом, тем ощущением, когда только выходяшь на Приморский, с полными глазами неба и моря на морвокзале... Хочется перечитать текст, поправить стилистику и пунктуацию, но, наверное, не буду — не хочу потерять искренность.

Одесса подарила мне радость и беззаботность, рассмешила и уняла душу. Я когда-то решила, что жизнь очень коротка и хочется повидавать многие города и страны, не смысла возвращаться в одно и то же место. А в Одессу — еще вернусь. Влюбилась.

Вот. Хочу быть членом клуба одесситов. Может, чем-то буду и полезна клубу?

Меня зовут Наталья Евгеньевна Липова, родом я из Киева, живу в Самаре.

С уважением к делу, которое вы делаете.

Nataly Наталья Липова.

Мне нужна фотография

Куликовского поля того времени, когда там были нагробья. И еще Павловского здания, которое стояло нагробтив. Его взорвали вместе с 1-м роддомом, когда строили обком или облисполком. Извини, что обращаюсь, но больше не к кому.

3. Долова.

Ответ на предыдущее письмо.

Посылаю все, что Вы просили. Только на Куликовом поле были не нагробья, а обелиски. В разное время — разные. Первый был разрушен оккупантами. Дать его постройки и автор — в названии файла. А на месте

облисполкома до революции находилось "Убежище в память 17 октября 1888 года" — дата "чудесного избавления" императора в день ж.д. крушения (поезда). Если еще что-то надо — пишите.

Фото 1. Павловские здания дешевых квартир. (Дорев. фото.)

Фото 2. Первый памятник-obelisk жертвам революции на Куликовом поле. (1932 год, арх. Минкус.) Разрушен оккупантами.

Фото 3. Второй памятник-obelisk на братской могиле жертв январских событий на Куликовом поле.

Фото 4. Здание "Убежища в память 17 окт. 1888 года" (арх. Бернардаци). Канатная, 83, на месте построенного там после войны здания облисполкома.

Фото 5. "Убежище в память 17 окт. 1888 года". Вход в Приют для лиц привилегированного сословия. Арх. Бернардаци.

Виктор Корченков.

...и нас тут живет сестра Ревалда Бунина (он был замечательным композитором, любимым учеником Шостаковича, но умер лет 40 назад). У его сестры есть его партитуры (напечатанные когда-то в Москве), но что с ними будет дальше, после нее — это ее заботить, естественно (и меня тоже, я очень люблю музыку Р. Бунина)...

Партитуры Бунина могут быть пропасты, потому сестра его (та, что Вера Бунина, очень уже старая) просит ей помочь.

Если же Одесская наша филармония с дирижером Ходартом хочет их иметь — то я могу посодействовать и получить их у Веры Буниной.

Михаил Цюк, США.

Добрый день, уважаемые члены клуба.

К Одессе я имею касательное отношение, поскольку мои родители — одесситы. Некоторое время назад я послала в подарок вашему клубу "Военный дневник" Бориса Сируса. Это — мой папа. Я знаю (слышала от Лилии Григорьевны Белосовой), что книгой заинтересовался Евгений Толубовский. Это, в общепит, естественно по многим причинам. Папа — одессит, ушедший 18-летним из Одессы на войну, прошедший ее от и до (обо всем этом и о многих другом — в "Дневнике"), в конце сороковых годов стал ленинградцем, одним из крупнейших искусствоведов в Союзе.

Всю жизнь он нежно дружил с Юрием Егоровым, я читала публикации Евгения Толубовского о нем.

Мне хотелось бы установить связь с Евгением Михайловичем Толубовским по многим причинам, и я прошу помочь мне в этом.

В настоящее время, как это уже почти традиционно, наша семья несколько разбросалась по свету: я с мужем — в Израиле, мои дети — в Нью-Йорке, брат — в Берлине.

Я заранее благодарна тому, к кому попадет это письмо, за передачу его.

Всего доброго, Татьяна Друбечкая.

Уважаемый господин Рукман!

Однажды Вы помогли мне найти Выхристенко Василия Ивановича, за что Вам очень много благодарна. В течение нескольких лет мы вели активную переписку и переписывались. Но вот уже больше месяца, как Василий Иванович не выходит на связь, телефонный номер не отвечает. Есть ли у Вас какие-нибудь сведения о нем? К сожалению, координаты сына и внука Василия Ивановича у меня нет. Остался один путь — обратиться к Вам. Буду Вам благодарна за любую информацию. С уважением — Татьяна Черных (Москва).

Здравствуйте, Леонид!

Петр из Чикаго хотел бы установить связь с бывшими сотрудниками по заводу прессов: Владимиром Богатырем, Эдвардом Буднянским; и клубу изобретателей (мы встречались в клубе железнодорожников — речь идет о годах до 90-го): Мещеряковым, Вулихманом, Суракиной, Невозюк, Профиловым, Березовским, Футораном, Будяном.

Нет уверенности, что вы получите это послание. Пожалуйста, ответьте в любом случае. Заранее благодарен —

Петр Золотарев, trinu2000@mail.ru.

Олег ГУБАРЬ

Нечто о порто-франко в Одессе

МИФЫ И РЕАЛИИ

ИДЕОЛОГ

Мало кто знает, что предложение учредить в Одессе порто-франко датируется еще 1798 годом, то есть относится к младенчеству города. Идеологом выступил довольно занятый человек — попечитель принимавшихся здесь средиземноморских переселенцев Афанасий Кесоглу. О нем по сию пору ходит множество курьезных малоправдоподобных историй: к примеру, о том, что его будто бы насильно обратили в мусульманство или, скажем, что он намеревался наладить в Одессе чеканку фальшивой турецкой монеты, участвовал в небезызвестной отprawке императору Павлу "взятки" в 3000 померанцев, о непомерном казнокрадстве и проч.

Можно, конечно, скептически рассмеяться. Скажем, апельсины отправлены к Высочайшему Двору 8 февраля 1800 года, а наш герой ушел из жизни 6 января 1799-го. Чего уж говорить о чеканке монеты там, где еще не было возможности изготовить даже обыкновенный гвоздь. Относительно же обращения в магометанскую веру ситуация и вовсе анекдотическая: Кесоглу многие годы хорошо знала не только греческая элита из константинопольских фанариотов, из Архипелага, Молдавии и Валахии, но и высшие российские чиновники, включая видных дипломатов. Ему доверяли сама императрица Екатерина, сам граф Зубов. Он состоял в российской службе, имея далеко не последний чин VIII класса, а затем был поощрен VII-м (под конец жизни, возможно, и VI-м, так как в отдельных случаях его называют полковником, а вдову полковницей). Нас что же, хотят уверить в том, что ответственной задачей переселения единоверцев поручили сомнительному прозелиту? Курьез, да и только.

Как бы то ни было, но, будучи первым (главным из четырех) бургомистром города, он обратился с ходатайством к монарху Павлу I через генерал-прокурора князя Алексея

Куракина. Прощение включало, как нынче принято говорить, пакет законодательных инициатив. Кесоглу просил: 1) передать питейный откуп и поступления от оногo в ведение Магистрата; 2) подтвердить льготы, дарованные иностранным поселенцам екатерининским указом от 15 апреля 1795 года; 3) даровать Одессе статус порто-франко; 4) учредить банк, ссужающий предпринимателей под залог недвижимости и товаров; 5) передать городу один из казенных домов для размещения в нем Магистрата и полиции; 6) даровать Одессе герб. Последний пункт на самом деле чрезвычайно важен, он означает, что едва народившийся город как бы легализуется, что теперь его невозможно будет похода потерять, зачеркнуть. В целом же предложения Кесоглу характеризуют его как талантливого, прозорливого, энергичного деятеля государственного масштаба.

Более того: это была стратегическая программа, шаг за шагом решавшаяся городской и краевой администрациями на протяжении следующих десятилетий. Если ходатайства Кесоглу повлекли за собой лишь дарование герба, доходов от винного откупа и одного казенного дома, то при Ришелье был учрежден заемный банк, а при Ланжероне оформлен статус порто-франко. Кстати, Магистрату Одессы в 1798 году официально не отказали и в других просьбах, но оставили некоторые временно без рассмотрения, а иные предположили к дальнейшему исполнению. Таким образом, Кесоглу безо всякого преувеличения справедливо считать одним из первых идеологов одесского проекта.

"РЕАЛИЗАТОРЫ"

Как справедливо замечает авторитетный историк А.И. Третьяк, Дюк Ришелье был большим сторонником введения в Одессе системы порто-франко. Однако существовало немало препятствий, в том числе — негативный опыт Феодосии и всего Крымского полуострова в эпоху Павла I. Однако уже в 1806 г. гер-

цог решил вопрос беспрошльного складирования товаров в одесском порту на срок до двух лет (казенные склады для этого, правда, так и не были построены), а кроме того, необлагаемых налогом транзитных товаров. Военные кампании и чумная эпидемия также затруднили решение вопроса, но когда Ришелье возглавил французское правительство, то сумел убедить вполне доверявшего ему императора Александра I в обобщенной пользе учреждения порто-франко.

Манифест от 16 апреля 1817 г. жаловал Одессе статус порто-франко ("свободной гавани") на 30 лет. Впоследствии это дело пролонгировали. Сама черта обустраивалась под началом преемника Ришелье — графа Ланжерона. В строй она вступила 15 августа 1819 г., причем опоясывала все градоначальство (36 км). Две таможни, 17 караульных будок, немногочисленные штатные объездчики, ров шириной в три метра и глубиной в два десяти не смогли сдерживать поток контрабанды. Черта, обошедшаяся в 150 тысяч рублей (солидная по тем временам сумма), оказалась явно неэффективной. 14 мая 1823 года, как раз в пушкинское время, ввели в строй новую, сильно укороченную границу порто-франко, охватывавшую собственно город. Но и тут дали маху, поскольку жители предместий теперь сильно затруднились с вывозом через таможенные заставы повседневных продуктов и припасов с одесских рынков. Начались затруднения с доставкой питьевой воды из Водяной балки, поскольку бочковая тара подвергалась досмотру. А лишенная естественных источников водоснабжения Одесса тогда особенно страдала от жажды.

КАТАКОМБЫ?

Легенды весьма произвольно сообщают об интенсивном использовании катакомб для контрабанды через вторую — укороченную — черту порто-франко. С этой целью контрабандисты якобы пользовались зве-

стняковыми штольнями, пролегающими от города к почти примыкающей Молдаванской Слободке. Это маловероятно, ибо известняки залегают на значительной глубине. Подобные предания обусловлены тем, что вторую черту порто-франко маркирует нынешняя улица Старопортофранковская, и дилетанты полагают: для нелегального выхода под эту границу следовало всего-навсего прокопать коридор в материковом лессе от четной стороны к нечетной. На самом же деле четная сторона будущей улицы в ту пору вообще не застраивалась, и "полоса отчуждения" была довольно широка. Что касается катакомб, они служили местом хранения контрабандных и корчемных товаров, "схронами" для разного рода нелегалов, возможно, использовались морскими контрабандистами, о которых впоследствии так рельефно написал Багрицкий.

ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Негативный опыт все же пошел впрок, тем более что подытоживался он уже под эгидой столь же просвещенного, сколь и рационального, настойчивого руководителя — графа Воронцова. С этой целью в Одессу привлекались и столичные специалисты. Проект утвердили в начале 1826 г., а функционировала новая граница порто-франко с 1 июля 1827 г. Черта включала ближайшие пригороды — Молдаванку, Пересыпь, Ближние и Дальние Мельницы, Малый Фонтан и часть Среднего Фонтана (16 км). Устроили две таможни, две въездные заставы, 12 караулен, два дублирующих друг друга рва. С контрабандистами, по большому счету, справлялись. Черта эта просуществовала до 18 апреля 1858 г.

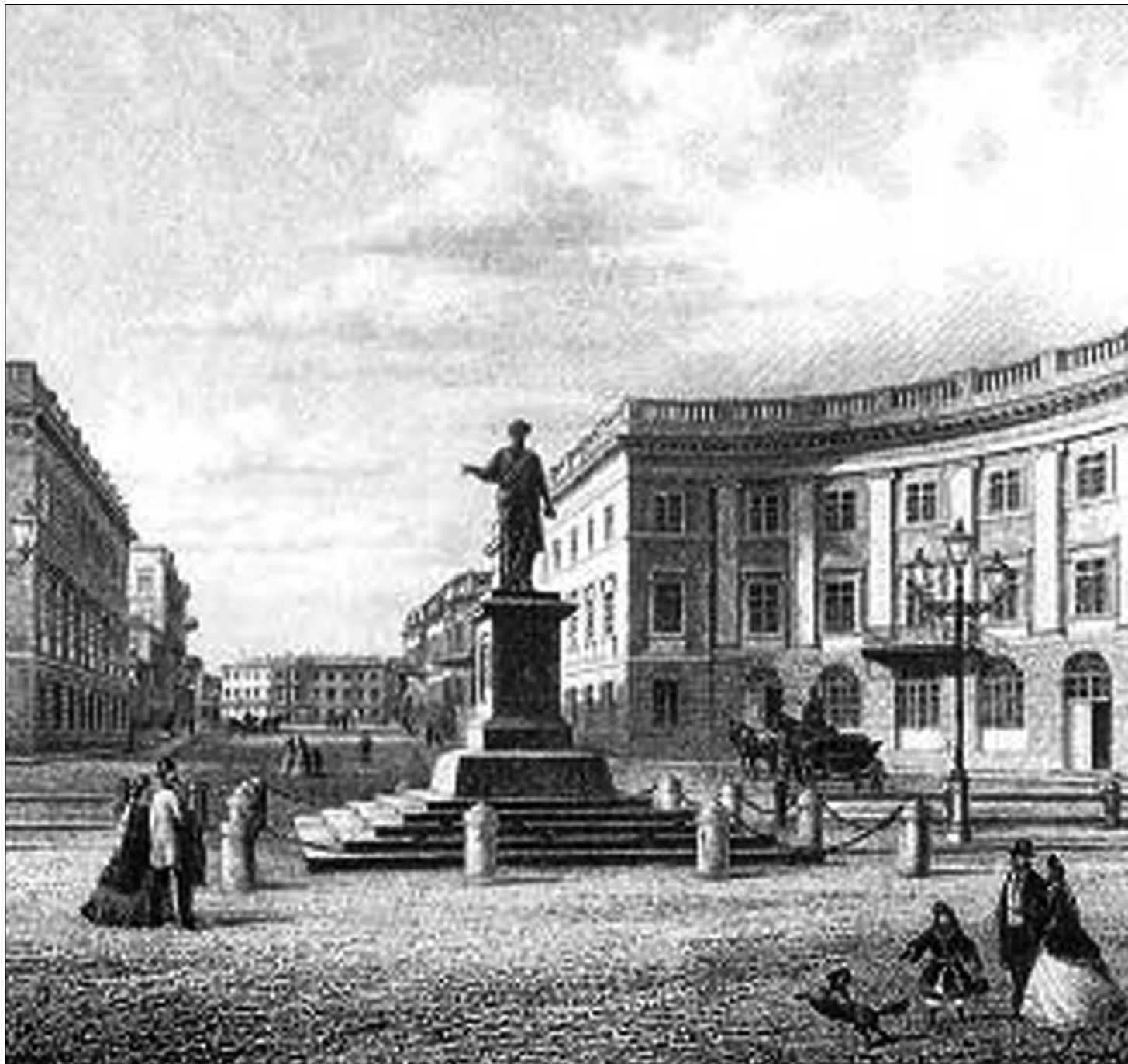
БЕСПОШЛИННАЯ?

Везде и повсюду говорят о том, что порто-франко в Одессе — это беспрошльная торговля. Чушь собачья. Каким образом мог существовать город, лишенный основного дохода? На какие шиши пополнять бюджет, строить и расширять порт? Другое дело, что пошлина эта была здесь значительно ниже, чем в портах с традиционным таможенным режимом: сперва 1/5, а затем 2/5 обычной.

ПАНАЦЕЯ?

Надо отдавать себе отчет в том, что порто-франко — не панацея, а оперативный инструмент. На этапе активного фритредерства, в определенную эпоху эта система сыграла заметную роль в позитивной эволюции юной Одессы. Однако были и другие факторы, способствовавшие экономическому росту города, ведь он более чем активно рос и до учреждения порто-франко. Свою роль сыграли, например, устройство первого в империи коммерческого суда, коммерческих и этнических учебных заведений, мощное материальное и гуманитарное инвестирование, наращивание кредитно-банковского и страхового дел, упадок европейского сельскохозяйственного производства после изнурительных наполеоновских войн и проч. Позднее, в особенности — после несчастливой Крымской кампании, система порто-франко становилась серьезным тормозом в дальнейшем развитии города, прежде всего — местной промышленности. Действительно, при досмотре на таможне невозможно было четко контролировать здешнее или привозное производство изделия, да и сырья. Конкурировать же с привозными товарами — дешевыми и качественными — становилось крайне трудно. Подчеркну, что сами одесситы еще в 1856 г. ходатайствовали перед правительством о необходимости свернуть порто-франко как анахронизм, но тогда верхи продлили систему на два года (по той причине, что некоторые купцы имели в городе большие запасы колониальных товаров). И после такового свертывания Одесса вовсе не погибла, а, напротив, продолжала расти, хотя лишилась некоторых иллюзий — скажем, распрощалась с короной мирового хлебного экспортера. Гонор, правда, сохранила навсегда.

Легенда о решающем для Одессы значении порто-франко невероятно живуча. Когда сегодня заводят бойкие речи о необходимости возврата к сказанной практике, надо задаться вопросом: а что мы, собственно говоря, станем активно вывозить, что на что будем менять? И надо найти корректный ответ — чтобы не выгляделось посмешищем в глазах зарубежных политиков, экономистов, бизнесменов.

Сергей РЕШЕТОВ

Столыпины в Одессе

Посетив в августе 2011 г. Киево-Печерскую лавру, мне довелось увидеть у стены Трапезной церкви надгробие министра внутренних дел (с 26 апреля 1906) и одновременно (с 8 июля 1906) — председателя Совета министров Российской империи, т. е. главы правительства Петра Аркадьевича Столыпина (1862 — 1911) с надписью "5 сентября 1911 года. Петр Аркадьевич Столыпинъ". Как известно, П.А. Столыпин пережил множество покушений и написал в завещании: "Я хочу быть погребенным там, где меня убьют". Смертельно раненный в результате покушения в Киеве, он скончался через несколько дней — 5 (18) сентября 1911 г. — и, согласно завещанию, был похоронен в Киеве. Массивное надгробие из черного мрамора и металла было уничтожено, а восстановлено в первоизданном виде уже в наше время. Таким образом, 18 сентября 2011 г. исполнилось 100 лет со дня кончины этого видного государственного деятеля. В связи с этим хотелось бы немного осветить тему связи рода Столыпиных с Одессой. В 2003 — 2004 гг. я некоторое время переписывался с ныне покойным Борисом Григорьевичем Федоровым (1958 — 2008), занимавшим ряд министерских постов, который, интересуясь родом Столыпиных как историк-любитель, составил их родословную, материалы которой использованы в данной работе.

Петр Аркадьевич Столыпин был сыном потомственного военного Аркадия Дмитриевича Столыпина. А.Д. Столыпин родился 25 декабря 1821 г. в семье генерал-майора Дмитрия Алексеевича Столыпина (1786 — 1826). Продолжив семейную традицию, он также поступил в 1838 г. на военную службу. В 1841 г. был произведен в офицеры. С 1854 г. — капитан гвардии, с 1855 — полковник, с 1859 — генерал-майор, с 1868 — генерал-лейтенант, с 1883 — генерал от артиллерии. Участник венгерской кампании 1849 г., Восточной (Крымской) войны 1853 — 1856 гг. и польской кампании 1863 — 1864 гг. С 1857 по 1862 гг. — атаман уральского казачьего войска, с 1869 г. — шталмейстер двора Его Величества, с 1877 находился в распоряжении главнокомандующего действующей армией, с 1878 г. — командир 9-го армейского корпуса. С 1886 г. — командир Гренадерского корпуса, с 1889 г. — обер-камергер двора Его Величества, с 1892 г. — член Александровского комитета о раненых. Был награжден золотым оружием (1855). С 1879 — генерал-адъютант. После окончания русско-турецкой войны Столыпин был назначен генерал-губернатором Восточной Румелии и Адрианопольского санджака, а в марте 1892 года назначается заведующим Дворцовой частью в Москве (комендантом Московского Кремля) и в данной должности находился до своей смерти. Был дружен с Львом Николаевичем Толстым, с которым познакомился в Севастополе.

Первой супругой А.Д. Столыпина стала Екатерина Андриановна Устинова, дочь Андриана Михайловича Устинова* (1802 — 1882) и Анны Карловны Шиц (ум. в 1837). От этого брака 15 ноября 1846 г. родился единственный сын — Дмитрий Аркадьевич (сводный брат будущего премьер-министра Российской империи). Его крещение состоялось 28 ноября того же года в одесском кафедральном Преображенском соборе. Как указано в метрической книге собора, его родителями были "конной артиллерии подпоручик и кавалер Аркадий Дмитриевич Столыпин и Екатерина Андриановна", а воспитателями — "отставной гвардии полковник Валериан Григорьевич Столыпин и дочь генерал-майора Елизавета Дмитриевна Столыпина". Валериан Григорьевич Столыпин был двоюродным братом отца младенца (о нем пойдет речь ниже), а Елизавета Дмитриевна (1823 — 1895) — родной сестрой (скончалась в возрасте 71 года, незамужней).

Вскоре после рождения сына Е.А. Столыпина скончалась. В метрической книге одесского собора зафиксирована запись об отпевании "Екатерины Андриановны, жены подпоручика артиллерии Аркадия Сталыпина" (так в оригинале записи), скончавшейся в Одессе 22 ноября 1846 г. в возрасте 21 года. 24 ноября она была отпета в соборе и похоронена на городском кладбище Одессы (т. е. старом христианском).

Дмитрий Аркадьевич Столыпин, родившийся в 1846 г. в Одессе, окончил университет в Санкт-Петербурге. По сведениям Бориса Федорова, он был надворным советником, участником русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг., камер-юнкером (1877). Скончался в 1899 г. Был женат на Марии Александровне Тихомировой, от которой имел детей: Наталью (умерла в младенчестве), Софью, Валерию и Веру, вышедшую замуж за дворянина Сергея Николаевича Удинцева.

* Внучатый племянник А.М. Устинова, Иона Платонович Устинов от брака с Надеждой Леонтьевной Бенуа имел сына Петра Ионовича (1921 — 2004), более известного как английский актер Питер Устинов (Устиновф).

После кончины первой супруги его отец, Аркадий Дмитриевич, женился вторично — на княжне Наталии Михайловне Горчаковой (1827 — 1889). Канцлер Российской империи светлейший князь А.М. Горчаков (потомки которого владели впоследствии недвижимостью в Одессе) приходился ее отцу троюродным братом. А.Д. Столыпин скончался 17 ноября 1899 г. в Москве и был похоронен на Новодевичьем кладбище. От брака А.Д. Столыпина и княжны Горчаковой родились трое сыновей и дочь, среди них — будущий премьер-министр России Петр Аркадьевич Столыпин.

Петр Аркадьевич (1862 — 1911) был женат на Ольге Борисовне Нейдгардт (1859 — 1944). Ее родителями были действительный тайный советник, обер-гофмейстер и почетный опекун Борис Александрович Нейдгардт (1819 — 1900) и Мария Александровна Талызина (1831 — 1904), внучка графа Николая Александровича Зубова (1763 — 1805), братом которого был светлейший князь Платон Зубов, увековеченный на памятнике императрице Екатерине II в Одессе. Братом О.Б. Столыпину, урожденной Нейдгардт, был Дмитрий Борисович Нейдгардт (1861 — 1942), одесский градоначальник с 1903 по 1905 гг., оставивший по себе плохую славу.

Однако с Одессой больше связан другой представитель рода Столыпиных — уже упоминавшийся Валериан Григорьевич. В.Г. Столыпин, двоюродный дядя П.А. Столыпина и крестный его же брата Дмитрия, родился 11 июня 1807 г. Его родителями были лейб-гвардии сержант, крестовый кавалер Григорий Данилович Столыпин (1773 — 1829) и его супруга Наталья Александровна, урожденная Столыпина (1786 — 1851). Супруги приходились друг другу четвероюрод-

ными братом и сестрой, и в результате данного брака объединились две ветви рода Столыпиных. Как и большинство мужчин рода, Валериан Григорьевич Столыпин стал военным. Он служил в лейб-гвардии конном полку, дослужившись до чина полковника, в котором и вышел в отставку. Скончался В.Г. Столыпин во Франции, вероятно — в Париже, 23 ноября 1852 г. в возрасте 45 лет и был похоронен на парижском кладбище Монмартр. Его супругой была Варвара Алексеевна Бахметьева (1816 — 1896), дочь крупного государственного деятеля Алексея Николаевича Бахметьева (1774 — 1841)** и его первой супруги Виктории Станиславовны, урожд. графини Потоцкой (1780 — 1826). Последняя была дочерью знаменитого графа Станислава Щенского Потоцкого и сводной сестрой Ольги Станиславовны Нарышкиной, урожд. графини Потоцкой, которой принадлежал известный дом на ул. Софиевской, где ныне Художественный музей. Варвара Алексеевна Столыпина являлась членом Одесского женского благотворительного общества (в этом качестве она упоминается, в частности, в газете "Одесский вестник" от 20 апреля 1849 г.). Ей принадлежал дом в историческом центре Одессы — на Приморском бульваре. В книге "Из прошлого Одессы" О.О. Чижевич, описывая бомбардировку Одессы во время Крымской войны, писал: "В канцелярию генер.-губернатора и дом Маразли тоже попало несколько ядер. В доме Столыпина (потом графа Строганова) ядро, пробив стену и прыгая в зале по паркету, попортило его, а также повредило зеркала и мебель". Речь идет о доме № 2 по Приморскому бульвару (он же № 3 по Воронцовскому переулку), владельцем которого впоследствии был граф А.Г. Строганов (1795 — 1891), бывший новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. На 1848 г. дом Варвары Столыпину на Бульварной улице (Приморский бульвар) был оценен в 11600 руб.

От брака В.Г. и В.А. Столыпиных родились десять детей, все из которых дожили до зрелого возраста. Мною обнаружена запись о крещении самого младшего ребенка — Анны, родившейся 10 июля 1851 г. и крещенной 15 июля в одесском соборе. Ее родителями указаны отставной гвардии поручик Валериан Григорьевич Столыпин и его супруга Варвара Алексеевна, а воспитателями — губернский секретарь князь Александр Сергеевич Кудашев (племянник матери младенца, В.А. Столыпину) и дочь отставного гвардии поручика Валериана Столыпина девица Наталья (вероятно, в обоих случаях применительно к Валериану Столыпину в метрической книге ошибочно указан чин поручика вместо полковника). В 1876 г. Анна Валериановна Столыпина вышла замуж за Августина Браницкого (1854 — 1905), потомка графа Станислава Щенского Потоцкого и родственника светлейшей княгини Елизаветы Ксавьерьевны Воронцовой, урожд. Браницкой.

Другими детьми четы Столыпиных кроме Анны были

— Афанасий Валерианович, гвардии поручик Преображенского полка (1867 г.), статский советник, камер-юнкер, уездный предводитель дворянства. Его дочь Наталья Афанасьевна (1872 — ок. 1915) вышла замуж за Василия Сергеевича Кочубея (1862 — 1911);

— Наталья Валериановна (1835 — 1891), в замужестве Грекова;

— Григорий Валерианович (1838 — после 1899). Окончил Пажеский корпус, штабс-капитан лейб-гвардии, статский советник, камер-юнкер (1893 г.), чиновник для особых поручений при Главном управлении Западной Сибири с причислением к Министерству Императорского двора;

— София Валериановна (1839 — 1891), в замужестве Залесская;

— Ольга Валериановна (1841 — 1926), в замужестве светлейшая княгиня Лопухина-Демидова;

— Павел Валерианович (1843 — 1899), о котором рассказано ниже;

— Мария Валериановна (1844 — 1899), супруга генерал-лейтенанта Николая Семеновича Каханова (ум. 1888);

— Мелетина (Матильда) Валериановна (20 сентября 1845 — 17 января 1909) стала супругой Михаила Михайловича Веселкина (1842 — 1897), тайного советника, олонечского, черниговского и херсонского губернатора;

** Генерал от инфантерии, губернатор Подольи, наместник Бессарабии, член Государственного Совета.

— Михаил Валерианович (1847 — 1896). Мичман, затем титулярный советник, служил сначала по Министерству народного просвещения в Пензенской губернии (1871 г.), затем — в Главном управлении Государственного коннозаводства (1881 г.).

Павел Валерианович Столыпин (25 июня 1843 — 19 сентября 1899, Корсунь) окончил Пажеский корпус (1862). Надворный советник, коллежский асессор, камер-юнкер, служил по Министерству государственных имуществ. В "Раскладочной ведомости на недвижимые имущества города Одессы..." 1878 г. камер-юнкер Павел Столыпин указан владельцем недвижимости в Одессе, оцененной в 540 рублей. Это был хутор "Близ моря", "По дороге в Куяльник" (рядом указан участок основателя Куяльницкого курорта Эраста Степановича Андреевского, оцененный в 720 руб.). В аналогичном источнике 1873 г. Столыпин не упомянут. Супругой П.В. Столыпина стала баронесса Елизавета Карловна Пилар фон Пильхау (1852 — 1939), чьи ближайшие родственники тесно связаны с Одессой, от брака с которой родилась дочь Мария Павловна Столыпина (1872 — 1953), графиня де Монтефлори, дважды бывшая замужем за французскими аристократами — это граф М.Ф. де Сонис и П.А. Труар-Релье.

Городской голова Одессы, генерал от инфантерии светлейший князь Семен Михайлович Воронцов (1823 — 1882), сын светлейшего князя М.С. Воронцова (1782 — 1856) и графини Елизаветы Ксавьерьевны Браницкой (1792 — 1880), женился (26 августа 1851 Алушка, Крым) на Марии Васильевне Столыпину, урожденной княжне Трубецкой (23 марта 1819 — 28 февраля 1895, Ницца). Она была дочерью князя Василия Сергеевича Трубецкого (1773 — 1841) и Софьи Андреевны фон Вейс (1795 — 1848). Первым супругом княжны М.В. Трубецкой был Алексей Григорьевич Столыпин (1805 — 21 августа 1847), старший брат Валериана Григорьевича Столыпина, о котором сообщалось выше. А.Г. Столыпин был флигель-адъютантом, полковником лейб-гвардии Гусарского полка, скончался в Саратове от холеры. От брака А.Г. Столыпина и М.В. Трубецкой родился Николай Алексеевич Столыпин (8 октября 1843 — 4 ноября 1898), приехавшийся С.М. Воронцову пасынком. Н.А. Столыпин был камер-юнкером, некоторое время служил по Отделению богоугодных заведений. Жил в основном во Флоренции и умер бездетным. Получил от итальянского короля титул герцога де Монтефлори. От второго брака со светлейшим князем Воронцовым М.В. Столыпина, урожд. кн. Трубецкая, детей не имела, в связи с чем род светлейших князей Воронцовых по мужской линии прервался и титул был передан представителям женской линии рода — графам Шуваловым.

12 апреля 1851 г. у коллежского секретаря графа Николая Аркадьевича Кочубея и его супруги Екатерины Аркадьевны, урожд. Столыпину, родилась дочь Вера, крещенная 22 апреля в одесском соборе. Ее воспитателями выступили гвардии отставной полковник Валериан Григорьевич Столыпин и княжна Варвара Николаевна Репнина. Графиня Е.А. Кочубей, урожд. Столыпина (11 сентября 1824 — 29 марта 1895), похоронена на Лазаревском кладбище Александроневской лавры в Санкт-Петербурге, была двоюродной сестрой Аркадия Дмитриевича и Валериана Григорьевича Столыпиных, дочерью Аркадия Алексеевича Столыпина (1778 — 1825) и его супруги Веры Николаевны, урожд. графини Мордвиновой (1790 — 1834). А.А. Столыпин был тайным советником, сенатором, обер-прокурором Сената. Известен он и как литератор, друг М.М. Сперанского. Его супруга была дочерью известного адмирала, морского министра графа Николая Семеновича Мордвинова (1754 — 1845), который был женат на сестре известного одесского персонажа, Томаса Кобле (Cobley) — Генриетте Александровне Кобле (1764 — 1843). Супруг Е.А. Столыпину, граф Н.А. Кочубей (1827 — 1868), был дипломатом, секретарем русского посольства в Константинополе. Их единственная дочь, графиня Вера Николаевна Кочубей, родившаяся 12 апреля 1851 г. в Одессе, скончалась 21 апреля 1852 г. и была похоронена на Лазаревском кладбище Александроневской лавры в Санкт-Петербурге.

Интересны и другие родственные связи Столыпиных. Например, двоюродной сестрой Аркадия Дмитриевича, Валериана Григорьевича и Екатерины Аркадьевны была Мария Михайловна Арсеньева (1795 — 1817), мать поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Сергей ОСТАШКО Музей имени Шустова

ЭКСКУРСИЯ ПО БУДУЩЕМУ МУЗЕЮ

Изготовить прекрасный коньяк легко. Все, что вам для этого требуется: прадед, дед и отец, которые посвятили этому всю свою жизнь.
Жан-Поль Камю.

Конь-яки были животными, взятыми из рекламного ребуса известной виноторговли Шустова.

Лев Кассиль. "Конduit и Швамбрания".

Дорогие друзья!

Мы начинаем нашу экскурсию по музею будущего. Не в том смысле, что этот музей создавался по технологиям следующего века, а в том, что его откроют только в июле будущего года. И сегодня вам предоставляется уникальная возможность переместиться во времени и первыми посетить этот единственный в нашей стране музей, который сегодня можно назвать и Будущий музей коньяка, и Музей будущего коньяка, и Музей коньяка будущего. Причем все три названия имеют одно и то же окончание: имени Николая Шустова.

Да, друзья, наш музей носит имя Николая Леонтьевича Шустова — отца-основателя самого большого, самого старого, самого известного и самого первого коньячного завода в Украине.

Наш музей находится на глубине 8 метров под уровнем Мельницкой улицы, на которой завод располагается с 1863 года. Когда-то это была глухая окраина, а теперь до Дерибасовской всего 10 минут езды.

Музей раскинул свои многочисленные залы в старинном коньячном подвале, где когда-то бродило вино, выдерживались коньячные спирты, отдыхали уже готовые коньяки. Эти сводчатые стены помнят, как от бочки к бочке ходил сам Николай Шустов, и дух его до сих пор бродит по этим подвалам. Впрочем, иногда посетители музея, особенно после дегустации, путают этого духа с коньячным. В этом нет ничего страшного. Ведь именно Николай Леонтьевич создал в этих подвалах этот фантастический коньячный дух.

Площадь музея — 1000 квадратных метров, но под этим подвалом расположен еще один точно такой же, а под ним — знаменитые одесские катакомбы. Так что нашему музею есть куда развиваться.

Но пока мы спустимся в этот верхний — уже оборудованный — подвал. Осторожней, не упадите. Ведь вы идете по первому экспонату — старинным ступеням, которым более 130 лет.

Проект музея разработал известный украинский архитектор и дизайнер Денис Беленко, который принимал участие в создании известных ресторанов "Конкорд" и VaBene в Киеве, а также "Компот", Steak House и гостиницы "Айвазовский" в Одессе. И все, что вы видите здесь, придумано им. Вы не поверите, каким непрезентабельным было помещение, где вы сейчас стоите.

Начать экскурсию мы решили с этого памятного места. Именно здесь началась история музея. В эту инкрустированную серебром и коньяком нишу в далеком 2011 году тогдашний председатель правления ЧАО "ОКЗ" Дмитрий Шолудько в присутствии представителей СМИ заложил символическую "капсулу времени" с посланием для потомков.

Хотя письмо направлено потомкам, вы уже сейчас можете его услышать благодаря уникальной аудиозаписи, предоставленной одним из журналистов, участвовавших в той церемонии.

"Дорогие преемники, почитатели коньячного искусства, продолжатели славных традиций семьи Шустова!

Эта бутылка заложена в честь начала работ по созданию первого в Украине музея коньяка имени Николая Шустова.

Мы приложили немало усилий, чтобы возродить старинные рецептуры, традиционные технологии производства, сохранить и преумножить славу знаменитых шустовских коньяков.

Хочется верить, что вы оцените наш труд и продолжите наше общее дело.

Желаем крепкого здоровья, выдержки, мудрости, исполнения творческих планов. Пусть успех и признание легендарных коньяков династии Шустовых вдохновляет вас на благородные поступки.

17 ноября 2011 года".

И подпись: председатель правления ЧАО "ОКЗ" — Дмитрий Шолудько.

Продолжаем нашу экскурсию.

Первый наш зал — исторический. Вернее, даже предисторический, потому что он посвящен временам, когда завода Шустова — это трудно представить — еще не было.

Предистория Шустовского коньяка восходит к третьему веку нашей эры. Тогда на территории нынешней Франции жили галлы. И галлы эти были балованы. А разбаловал их римский император Пробус, который разрешил им выращивать виноград и делать вино. Вскоре вина стало так много, что выпить все сами галлы не могли и начали его продавать. Затем выяснилось, что при перевозке на большие расстояния вино выдыхается и портится. Один из купцов попытался было продать такое испорченное вино одному из заморских правителей, но тот, попробовав напиток, приказал слугам: "Гоните его!" Так впервые появилась идея перегнать вино на спирт.

Продукт перегонки назывался brandjiwin, что в переводе означает "жженое вино". Правда, похоже на бренди? Напиток был невысокого качества, крепостью около 23 градусов. Некоторые пили его, не разбавляя, и были этим весьма довольны.

И вот однажды один из производителей этого бренди — шевалье де ля Круа — так надегустировался своего напитка, что ночью ему стало плохо. Шевалье приснился дьявол, который хотел забрать его душу и для этого бросил тело в кипяток. Душа с телом не рассталась, а шевалье стало еще хуже. Тогда нечистый вытащил винодела и бросил его в кипяток второй раз. И тому (виноделу, а не кипятку) сразу полегчало. Проснувшись, шевалье задумался, к чему бы это, и понял, что с вечера пил некачественный продукт. А как сделать его качественным, ему только что подсказали. Он перегнал бренди второй раз и уже следующую ночь спал без всяких сновидений.

В этом зале музея вы можете видеть действующую модель той самой кровати, на которой шевалье приснился тот самый сон. Наши технологи, изобретая новые сорта коньяка, частенько отдыхают на этом ложе.

Биографы де ла Круа так и не пришли к единому мнению, был ли сон подсказкой Дьявола или Господа. Но так как коньяк считается божественным напитком, большинство склоняются ко второму варианту. Сам же шевалье разрешил свои сомнения очень просто. Он наполнил коньячным спиртом две бочки и поехал к монахам за консультацией. Спирт монахам понравился, одну бочку они выпили сразу, а вторую решили припрятать на черный день. Но вспомнить наутро, где именно они ее припрятали, не смогли. Память вернулась только через 15 лет, когда прошло опьянение.

Вот клепка от той самой легендарной второй бочки, любезно предоставленная нам потомками легендарного шевалье.

Когда вторую бочку вскрыли, оказалось, что часть спирта испарилась, а оставшийся напиток приобрел новый цвет и аромат — насыщенный и выдержанный. Чтобы опять не было выпадения памяти, монахи, перед тем как пить, разбавили спирт. И случилось это во французской провинции Cognac.

Теперь напиток понравился не только монахам, но и всем провинциалам, которые быстренько зарегистрировали торговую марку. И с тех пор носить название "коньяк" могли напитки, произведенные только в этой провинции. А все другие, пусть даже произведенные по той же технологии, но в другом месте, были вынуждены довольствоваться унизительным прозвищем "бренди". Впрочем, есть одно исключение, о котором вы узнаете чуть позднее.

Переходим в следующий цех, то есть зал нашего музея. Он посвящен первым шагам Шустова на ниве коньяка. И первые эти шаги были, как ни странно, вино-водочные и даже наливочно-настоечные. Вот перед вами бутылка, в которую разливали наливки от Шустова.

Общеизвестно, что Николай Леонтьевич Шустов был водочным королем России, поставщиком двора Его Императорского Величества. Ему принадлежали четыре завода: в Москве, в Молдавии, в Армении и в Одессе. Коньяк был для него инновационным проектом, и когда он решил им заняться, то командировал во Францию двух своих сыновей, чтобы те одолжили там рецепт приготовления французского коньяка. Точное значение перевода слова "одолжили" на французский язык и обратно история замалчивает.

Уже первый полученный по одолженному рецепту напиток получился настолько удачным, что в 1900 году на Всемирной выставке

в Париже единогласно получил Гран-при. Когда выяснилось, что все французские коньяки уступили место русскому, жюри, конечно, схватилось за голову, но делать было нечего. "Какую награду вы хотите?" — скрипя зубами, спросили судьи у победителя. И тот, скромно потупившись, ответил: "Единственное, что я прошу, это разрешить мне называть свой напиток коньяком, а не бренди". И пришлось разрешить ему.

Вот та самая золотая бутылка 1900 года, сохранившаяся со времен Шустова. Да, она не полная. Коньяк со временем улетучивается, даже через пробку. А для испарения из закрытой бочки через поры в дереве существует даже специальный очень красивый термин — "доля ангела". И, когда летом идешь по хранилищу, вдыхаешь эти божественные испарения и думаешь: "Ангелы, когда же вы уже напьетесь?"

Впрочем, вернемся к этой уникальной бутылке. На ее этикетке было написано: "Cognac. Напиток востребован императорским двором". Сам Николай II, как известно, любил не коньяк, а водку. Очевидцы утверждают, что когда Шустов принес царю первую бутылку своего продукта, тот все же решил его продегустировать, но, чтобы не обижать своего любимца гримасой отвращения, велел подать лимон. Вот именно с этого царского огрызка лимона, который вы видите здесь на витрине, и пошла в корне неверная традиция закусывать лимоном этот благородный напиток.

Впрочем, всем, кроме царя, напиток понравился. Но сделать качественный продукт — это поддела. Надо его еще суметь продать. И тут нужно сказать, что Николай Шустов был не только удачливым бизнесменом, а и великодушным маркетологом. И он придумал блестящий рекламный ход. Вы уже наверняка обратили внимание на ту веселую компанию, которая сидит за столиком в углу. Это студенты, которых нанял Шустов. В их задачу входило приходить в самые фешенебельные рестораны и требовать коньяк "Шустов". А когда никому не известного коньяка в меню не оказывалось, устраивать скандал вплоть до драки с персоналом, чтобы эта история попала в полицейские хроники. Сейчас мой ассистент включит рубильник, и вы сможете посмотреть, как это происходило, а желающие — даже поучаствовать в заварушке: либо на стороне студентов, либо на стороне персонала.

Идем дальше. В этом зале представлена советская история шустовских коньяков. Должен сказать, что Сталин коньяки любил, а Шустова — нет. Может быть, именно поэтому после первой мировой войны вплоть до второй одесский коньяк исправно производили на шустовских спиртах, но без упоминания фамилии. В войну, когда стало ясно, что Одессу не удержать, вождь издал приказ: все запасы спирта вылить в канализацию, дабы не достались врагу. Ароматы этой варварской акции старые одесситы вспоминали весь период оккупации.

Впрочем, вылили не всё. Сотрудники завода не побоялись гнева вождя и закопали один бут (так коньячисты называют бочку) спирта. А откопали ее сразу после освобождения Одессы в 1944 году, за что вождь был им очень благодарен. Тогда же, в 44-м, было начато спиртокурение из вина нового урожая, и уже в 1947 году появился первый одесский ординарный коньяк.

Когда вас будут водить по цеху хранения спиртов, вам расскажут, что три года — это минимальный срок выдержки самых простых коньяков, для марочных коньяков спирт выдерживается в дубовых бочках больше шести лет, а при выдержке свыше десяти лет коньяк становится коллекционным. Вы узнаете, что для изготовления хорошего коньяка обычно смешивают 6 — 8 видов спиртов разной выдержки, и этот процесс называется купажем. Кстати, самым старым спиртам, которые есть на заводе, 45 лет, а вообще у нас самый большой в Украине запас качественных отечественных спиртов — около 700 тысяч декалитров в абсолютном алкоголе.

Впрочем, я увлекся — видимо, сказываются коньячные пары. Вернемся к войне.

Обратите внимание на эту малоизвестную фотографию ялтинской встречи. Вы видите, что лидеры держав, извините за каламбур, держат в руках бокалы. В них — шустовский коньяк. Уинстон Черчилль, большой ценитель этого напитка, как раз просит Сталина, чтобы тот в високосном 1944 году поставил ему не 365 бутылок, как обычно, а 366. Вы можете напомнить мне слова Мюллера, об-

ращенные к Штирлицу: "Не считайте себя особой, равной Черчиллю. Это о нем я знаю, что его любимый коньяк — армянский". Так ведь ереванский завод тоже когда-то принадлежал Шустову, и, в отличие от Одессы, там спирты в войну не выливали.

Идем дальше. Следующая остановка — зал бочкотары. Мы посвятили ей отдельное помещение, потому что тара имеет для производства этого напитка огромное значение. Именно в дубовой бочке коньяк приобретает свой божественный цвет и аромат.

Лучшим материалом для изготовления бочек для коньяка считается лимузенский дуб, то есть дуб, выращенный во французской провинции Лимузен. Интересно, что если бочки для вина имеют ограниченный срок годности, то в изготовлении коньяка славится именно старая бочка. Чем она старше, тем напиток в ней мягче. В новой же таре спирт может находиться не более полугода, потому что танины, которые есть в клепке, создают грубость. Потом, через полгода, один спирт выливается, другой заливается, и так — шесть раз. В старой же дубовой бочке спирт может храниться практически вечно, то есть пока не выпьют.

А теперь пройдем в главный зал нашего музея. Вы видите сильно уменьшенную, но все же действующую модель коньячного завода. Здесь вы сможете ознакомиться со всем процессом производства напитка.

Вот миниатюрные виноградники, через лупу вы можете даже разглядеть отдельные ягодки и определить, какой это сорт винограда: Алиготе, Ркацителли или Пино. Именно из этих самых простых сортов и делается коньяк.

На таких агрегатах из винограда давят сок. А в этих цилиндрах он бродит, превращаясь в молодое белое вино.

А так выглядит аламбик — перегонный куб, в котором вино превращается в спирт. Как видите, этот куб имеет форму церковного купола, что лишний раз свидетельствует о божественности напитка. Из этой трубки с дырочками капает спирт, разделяясь на фракции. Как видите, он совершенно прозрачный.

А это — точный макет многоярусного цеха на нашем заводе, где происходит старение спирта. Вообще-то считается, что выдержка марочных коньяков должна происходить в подвалах при постоянной температуре до 20 градусов. Но опыт показывает, что когда бочка выдерживается при температуре до 30 градусов летом, как у нас, созревание происходит лучше.

Можете по очереди сунуть нос в это окошечко и почувствовать, какой аромат царит в этом цеху. Испарение такое, что когда человек вдыхает десять раз, то полностью очищаются легкие. Так что дышите глубже.

А вот это уже купажер. Здесь смешиваются спирты, затем в купаж добавляются вода, сахар и сахарный колер — краситель, изготовленный из пережженного сахара. "Зачем добавлять колер?" — можете спросить вы. А затем, что классический янтарный цвет коньяка достигается только при длительном хранении в дубовых бочках. Для ординарных же коньяков выдержкой 3 — 5 лет цвет получается недостаточно интенсивным.

После разбавления коньяк должен немного отдохнуть. Поэтому его снова разливают по дубовым бочкам, только существенно большего размера. Ординарные коньяки — одна, две, три звездочки — отдыхают как минимум три месяца, четырехзвездочные — "Чайка", "Шустов" — девять месяцев, марочные, а особенно — коллекционные коньяки, такие как "Одесса", "Украина", "Киев", "Русь", "Золотой Дюк" — до одного года и больше.

В лупу видно, что на каждой бочке наклеен паспорт коньяка: когда он заложен, какой номер купажа.

Когда коньяк отдыхает, в нем может появиться осадок. И чтобы его убрать, коньяк обрабатывают холодом. Попросту говоря, фильтруют при перепаде температур от + 18 до — 16 градусов.

И, наконец, последняя стадия — разлив в стеклянную тару. После этой разливки в коньяке прекращаются все процессы. Так что купленный коньяк лучше всего выпить сразу.

Кстати, если вы хотите за 50 — 60 долларов купить хороший коньяк в подарок, возьмите коньяк "Русь" или "Киев". Потому что если вы за эту цену возьмете французский коньяк — это будет уровень нашей "Чайки": 90 гривен.

Всего хорошего, до новых встреч!

Автор благодарит председателя правления ЧАО "ОКЗ" Дмитрия Шолудько, начальника купажного цеха Раису Мищенко и начальника Великодолинского производственного участка Эдуарда Городецкого за интереснейшие экскурсии, послужившие основой для этого скромного виртуального репортажа.

Владимир ТАЙХ

"Жил певчий дрозд"

Гарик, Григорий Леонидович Дивинский, был сыном директора Театра Красной Армии и красавицы Любви Израилевны (Любочки Дивинской, как ее называли в этом городе — известного адвоката с золотыми устами). Отца его я не видел, он погиб вскоре после нашего знакомства с Гарькой.

Его отцу, высокому красавцу в неизменной гимнастерке с погонами будто бы полковника, не суждено было дожить до сорока. Рассказывали, что он, уже не мальчик, никак не мог привыкнуть к необыкновенной красоте своей жены, был уверен, что ее нужно завоевывать снова и снова. Неудачное салто на пляже или в море, у берега, лишило его жизни. Сам Гарик никогда не рассказывал о своей семейной трагедии.

Жили они на Греческой, во дворе театра, на втором этаже. В подъезде при входе на полу плитками выложено "SALVE", барская лестница, в квартире — всегда темный коридор, две, насколько помнится, комнаты, балкон, выходящий в самый центр двора, перед балконом — несколько высоких деревьев.

Мы заходили во двор и по одесской привычке орал: "Гарик!" На балкон выходила Стелла, его младшая сестра, девочка, похожая на мать. Тонкая, редкой красоты и с весьма острым язычком. Она напоминала героинь модных в те годы фильмов итальянского неореализма.

С балкона она развлекала нас репортажами о процессе подготовки брата к выходу. Поболтав с ней о том, о сем несколько минут, спрашивали:

— Ну что, он уже выходит?

— Еще не выходит, но сдвиги есть. Ходит по комнате в трусах и чешет затылок.

— Ну, тогда мы пошли. Пусть ловит на Дерибасовской.

— Не уходите, он уже ищет носки.

— Гарик! — кричим. — Кончай чухаться, через минуту уходи!

— О, нашел носки, натягивает брюки. Может, вместо него возьмете меня? Я люблю шоколадное мороженое и гулять с такими нарядными юношами. Берете?

— Да ты что? Тебя украдут, а мы отвечаем! Да и мороженое сегодня какое-то бледное — выдать, какао пожалели.

— А ты, Вильям, держи меня за руку, не украдут.

— На Дерибасовку? За руку? Несовершеннолетнюю? Да меня завтра же или посадят, или заставят жениться.

— Когда-нибудь ты здорово пожалеешь. Во, снял рубаху, ищет другую. Ты что сложил руки, мне прыгать? Знаю я тебя! Прыгну, а ты убежишь. А мне еще, может, в итальянских фильмах сниматься. Надевает туфли, ругается. Пошел... Ну вот, вышел. Гарька, ты ключ взял? Вил, забери у него ключ, потеряет. Гарик, ты думаешь, что надел носки? Вон они, у двери (мы уже шли к арке ворот).

Из ворот налево — Театр Красной Армии, с ним стена к стене — Русский театр им. Иванова. Сколько и у кого ни спрашивали, кто этот Иванов, в ответ слышали только шутки типа "герой пьесы Чехова". Мы движемся вперед к темнеющему круглому дому на Греческой площади, поворачиваем налево, и в нос шибает мощное амбре от знаменитого туалета в старинной трамвайной станции. До него метров пятьдесят, за ним — Дерибасовская.

Главная улица выходящих из темного переулка слепит лампами. Слева — новый кондитерский магазин "Золотой ключик". Пока ребята выбирают, какие взять леденцы или карамельки, быстро покупаю по 100 грамм ирисок и новых модных "морских камушков", бегу быстро в темноту.

— Ты что вернулся?

— Мороженое только белое. Брось газетку. Закину тебе "камушки" и "Золотой ключик". А то хилые кульки рассыпаются.

— О, бабушка любит ириски!

— Давай быстрее, ребята ждут.

С Гарькиной бабушкой у меня были особые отношения. Любовь. Взаимная. Мне передавали самое значительное высказывание ее жизни, сохраняя при этом особенность ее голоса:

— Выля Тах — хорошенький мальчик. Что ни дам, все съест.

С Дивинским я познакомился 60 лет назад. Жизнь! Пять лет в одном классе 43-й школы, пять лет в одной группе Политехнического института. Последнее не совсем точно. Третий или четвертый курс ему пришлось пройти дважды, но он не уходил ни из нашей дружки, ни из нашей компании. А потерял он год по случаю его второго исключения из института.

Исключали его вполне законно, а вот восставливался он "по блату": тогдашний министр иностранных дел в Киеве Паламарчук был другом родителей. В первый месяц учебы в ОПИ со всех студентов из стипендии вычли по 75 рублей за обучение (7.50 в ценах 1961 года и последующих). Гарик не получал стипендию, он получал пенсию за отца. Не получающих стипендию предупредили, вывесив в углу темного вестибюля лист папирозной бумаги с пробитыми насквозь буквами. Сами понимаете: кто читал эти бледные дырявые бумажки? Исключили с десяток злостных неплательщиков. И поделом! Второе исключение связано с военной кафедрой. Вина не менее, а если подумать, то... боже упаси! Гарик готовился к занятиям по тактике вечером в помещении кафедры. Взял материалы с изображениями в ящике с песком той местности, где предстояло расставить танковые роты и взводы, наблюдательные пункты. И вражеские батареи. Их можно было и не ставить, все равно баталью они проиграют. Проиграл Гарька. На каждой из этих доморощенных книг слева — гриф "секретно". Еще бы! Враг не должен знать, где Гарик расположил танки, а где — артиллерию. Не даром со школьных лет он носил прозвище Пуриц. Пуриц позанимался, спрятал секретную книжку в чемоданчик, заменяющий портфель, и, ослабленный, пошел туда, куда влек его внутренний голос, голос желудка.

Однако дойти ему удалось только до угла Дерибасовской. Его как что-то стукнуло — не сдал книгу! Бегом назад. Сдаст книгу. На стене плакат "Люди, я любил вас. Будьте бдительны! Ю. Фучик". Лаборантка посмотрела на плакат, пошевелила губами, пощупала книгу, даже понюхала:

— А почему книга холодная — выносили ее на улицу?

Честный Гарик замялся:

— Да нет... так... как говорится... выходил покурить, документ секретный, не сводил глаз, а чтоб выносить... так нет, из рук не выпал, в полном, говорится как, соответствии.

— Ну, если в полном, о чем говорить? Сдавайте — и домой! Кабинет закрываю, у меня еще работа.

И села писать донос. Блаженны пишущие по вдохновению!

И я пишу, тружусь, тружусь, вспоминаю. А что получаю взамен? Упреки, еще упреки. Самый безобидный:

— Читать противно, скачешь с пятого на десятое.

— Да, господа, ни в школе, ни в институте я дневников не вел. Мой дневник, уважаемые, — мои нейроны. А они гибнут тысячами. Они, это написано даже на плакатах, не восстанавливаются. Я ношу в себе кладбище мертвых нейронов с их усиками — аксонами, я привык к этому и уже не страдаю. Не верующих в сие отправляю на консультацию к профессору Марку Волошину, квалификация его и научный авторитет в области мозга неоспоримы. Посетив его на работе, в его киевском институте, я зрел воочию несчастных кошек с электродами в мозге, открытым настежь, явно подвергшихся абляции. Некоторые ученые утверждают, что мозг кошки далеко не всегда уступает мозгу человека, в некоторых случаях даже превосходит. Кошки ведь не пьют и не курят, не сбивают автомобилем себе подобных. Хотите оспорить? Сначала поймите мышку.

Придется вам смириться с тем самым, что прыгает с пятого на десятое. И продолжим. К делу, господа!

Итак, я не видел его отца, но, несомненно, от него он унаследовал рост и стать, красивое лицо, мужское обаяние, обожание фразы, декламации. Особенно — фразы самой по себе, фразы, сказанной с пафосом.

В зрелые годы, собираясь вместе, не однажды заводили разговор о Гарике, о кардинальной ошибке его жизни — о неправильном выборе профессии. Нельзя ему было становиться инженером. Профессия — кроме всего — образ мышления и даже образ жизни. А его профессия изломала его, доставляла унижения, чувство неполноценности.

Как Гарик выбирал будущую профессию? А никак. Школу он окончил с золотой медалью (или серебряной?). Выбор у него был обширным. Он сидел дома и ничего не предпринимал. Мы волновались, вкалывали, сдавали экзамены и заходили к нему в свободные вечера. Когда до последнего дня приема заявок от медальистов осталось меньше недели, Гарька отнес документы в тот институт и на тот факультет, куда фактически поступи-

ли пятеро нас, одноклассников. Он стал шестым. Так мы и учились, в одной группе. Все школьные годы Дивинский означало "отличник", в институте — полная реверсия. Он стал учиться хуже нас всех и просто стал отстающим. Теперь на всю жизнь.

Его любили, о нем говорили.

Кем должен был стать Гарька, чтобы быть успешным в мире сем?

— Гуманитарием! — изрекали наши умники.

— Да что вы говорите! Как замечательно! Не инженер Дивинский, не адвокат Дивинский, не историк, не литератор, не артист Дивинский. Гуманитарий! И сколько платят на этой работе?

— Ну, хорошо, артистом.

— А вы знаете, каково поступить в ГИТИС или во ВГИК? Кроме выученной басни нужны еще огромное желание, фанатичная вера в себя. А в работе? А это труднейшая, изнурительная, иссушающая тело и душу работа. Лучше умереть, чем быть заурядным артистом. "Нужен талант", — говорите? Банально. Где он, в каком месте у человека? Талант — это поцелуй бога. А актеру необходимы ум, парадоксальный ум, острая наблюдательность, постоянная интровертивная еда самого себя (и всё в копилку, в торбу, как говорят в Одессе), а еще — жизненный опыт с приличной долей цинизма, а еще — воображение, способность влезть в шкуру другого, в замочную скважину, способность клясться в верности вечером и наутро предавать. Нужны железные нервы, чтобы не попасть в психушку после Гамлета или Лира. Нужно, нужно, нужно... И совсем нельзя быть инфантильным мальчиком до седых волос, неприспособленным, наивным до такой степени, что об этом рассказывали анекдоты.

— А адвокатом? Говорил-то он замечательно, с пафосом!

— Говорить замечательно — для адвоката замечательно. Но что говорить? Ведь сначала нужно "копать", глубоко копать дело, разработать и выстроить тактику и концепцию защиты. Факты должны быть подлинными и "чистыми", но чуть, самую чуточку повернуть и подобраны так, чтоб не вылезать из концепции и не засвечивать белые нитки. Мало уметь говорить, надо уметь убедить. А главное — научиться брать и давать деньги. А еще — топтать ногами свою собственную душу, а еще — не замечать плевков в нее. Адвокат — одна из самых аморальных профессий, после них — киллеры. Лучше пожизненно страдать от мании неполноценности.

— А?

— А, как говорит народ, на писателей и директоров гастрономов не учат, ими становятся.

Гарик выбрал единственно правильный образ жизни при его характере и его сути — "плыть по течению".

Мы оба оказались в шестом "Б" классе, и я сразу полюбил его. В нем были шарм, артистизм (я не противоречу себе), необычность во всем — в движениях, в поворотах торса и головы при ходьбе, в речи, в почерке.

Его почерк — тема для диссертации. Буквы не легко узнаваемые, все линии с резкими, нервными поворотами, выкрученными, как орбиты планет у Птолемея в геоцентрической системе, с эпизодами трех порядков и пульс-деферентом. И все эти крученые знаки складывались в слова и строчки ровно, аккуратно, как иероглифы, слетающие с кончика кисточки Хиросиге.

Парень он был нервный, дерганый, готовый в любую минуту взорваться. И взрывался, особенно в минуты его погружения в себя, например, при решении задач в контрольных работах. Вот всем запомнившийся случай.

Контрольная по физике. Последняя треть урока. Наш странный учитель Федор Терентьевич устал сидеть, стоит, опершись о стул. Мертвая тишина. И свистящий шепот почти через весь класс:

— Гарик, у третьей какой ответ? — Гарик сосредоточенно писал, правая рука нервно описывала сложнейшие кривые высшего порядка. Левоу, как акула плавником, отмахивался от назойливого вопрошателя.

— Гарик, какой ответ? — резкий бросок левоу.

— Гарик...

— Пошел ты к...*** (площадное матерное выражение в тишине и с пафосом).

— Дивинский! — вразяжку прогундосил наш физик, — это уже не в первый...

— А вы, Федор Терентьевич, — не дал ему договорить Гарька и сам осекся. — А вы все

(начавшему хохотать классу) заткнитесь и идите на ***.

Последствий, слава богу, этот инцидент не имел.

А вот второй.

Длинный узкий коридор в нашем флигеле. Там, в школе, прозвенел звонок, а мы еще болтались в коридоре, болтали и двигались в сторону класса.

— Гарик, Арон! — он продолжал рассказывать что-то, размахивая руками.

— Гарик, Арон!

— Заткнись, осел, не *** и иди в ***, — ему кто-то осторожно положил руку на плечо, Гарик сбросил. — И ты иди... ой, здравствуйте, Арон Евсеевич.

Арон обнял его за плечи, повел в класс:

— Ну зачем говорить не ***? Ну что такое не ***? Скажи: дугхак, идиёт, иди к чёгхту. А ты его пгхямо в ***!

Никто из нас, зеленых юнцов, не подозревал, что все это — ранние симптомы болезни, омрачившей его зрелые годы.

У него всегда не получалось то, что надо делать руками. Прежде всего, это было замечено с черчением. Черт знает, что у него творилось на листах ватмана. На замечание преподавателя графики и начерталки Гарик искренно признался: "Руки плохо приспособлены к черчению". На что преподаватель, сумашедший старик Наголкин, назидательно заявил "руками управляет голова". Я видел, как Гарик с массивной метровой линейкой пошел на него. Позвал его, он обернулся и жестом показал, что всё в порядке. В черчении мы стали по очереди помогать ему. После и по другим предметам, больше по курсовым проектам. Особенно в этом отличалась прекрасная девушка, ставшая всем нам близким другом, добрая и щедрая во всех отношениях Мария Вилер (Муха). Ее любили буквально все. Умная, неунывающая, всегда готовая прийти на помощь, простая, внушающая симпатию приятным лицом с постоянной улыбкой.

Примерно через год знакомства Гарик признался ей в любви. Они гуляли по Преображенской, и он приступил к делу. Сказав главное, спросил, что она ему ответит. Муха ответила в своем стиле:

— Знаешь, в английском есть два слова: "love" и "like". Я могу сказать "like".
— Но почему, почему?! — воскликнул Гарька, размахивая руками.
— Видишь ли, Гарик, я давно, со школы, люблю одного человека. Кого?
— Да, я хочу знать!
— Зовут его Миша Варшавский.

И тогда она услышала заключение уже в четком стиле Дивинского. Он замер в трагической позе великого Эдмунда Кина в его последней роли (Отелло), вскинул руку над головой, продекламировал:

— Я знал, я чувствовал, что кто-то стоит между нами!
Минуту шли молча.
— Почему ты улыбаешься?
— Мне очень понравилось, Гарик, как ты это сказал.

Первая практика. Завод "Кинап", электротех. Работаем в паре. Я "старшой". Мастер дал задание подключить мотор вентилятора. Я потянул провода к щиту, Гарику показал три винта, под которые необходимо накрутить три провода и зажать их. Я успел поставить пакетный переключатель, подключиться к нему, осталось вставить трубку предохранителя, щелкнуть выключателем и проверить направление вращения. Подхожу. Гарик еще не открутил винты, мучается, даже вспотел. Пытается крутить винты шилом.

— Пуриц, как ты до этого додумался? У тебя три отвертки. Работай, открути винты и сними изоляцию с концов проводов. Я подойду через полчаса, будем пускать. Мастер тащит меня на карусельный станок.

Прихожу — о боже! Провода растерзаны, взлохмачены, но не оголены. Гарик снимал изоляцию отверткой.

— У тебя же есть нож, смотри, как это просто.

Мастер наш был возраста запенсионного, на руках кожа заскорузла, как у черепахи панцирь. Как-то я привел ребят из других цехов, показать аттракцион. Спрятал контрольную лампочку, зову мастера.

— Порфирий Павлович, непонятно, как к новому щиту подключаться. Надо надписать клеммы.

Подходит, серьезный. Растопырив два пальца, ставит их на клеммы:

— Здесь, похоже, 220, здесь тоже. Запоминаешь? Вот тут непонятно, послуно пальцы. Ага, 127. О, эта щипает, значит, 380, тут тоже. Пометь и работай.

Конечно мы, юные дурачки, были в восторге, рассказывали о феномене раз по сто всем, кто соглашался слушать. В конце практики вызывает Порфирий:

— Сколько твоему дать?
— Четыре.
— Отвечаешь?
— Да.
— А тебе?
— Четыре.
— Тебе лучше знать. Держи бумаги. Отдашь вашему Копытову. Бывай, друг.

Отношения у нас были теплыми, доверительными. При этом два раза мы даже подрались.

Первый раз это случилось в колхозе, куда нас послали на третьем курсе. Я всегда был мальчиком шустрым, и в этот раз наша компания ворон не ловила.

Это была компания активных любителей покера и преферанса. Мы сразу же заняли комнату, наиболее застрахованную от "шухера", пошли на колхозный склад, выбрали лучшие матрасы (полосатые мешки), подушки (наволочки). Всё это набили мягким сеном, застелили железные койки. Сверху простыни, одеяла.

Пассивная студенческая масса, с ними Гарька, очень устала от переезда и в тени разлеглась на травке, подложив под голову рюкзаки и чемоданчики.

— Гарик, пошли, положишь вещмешок, займешь койку в соседней комнате и с нами бегом на склад. Надо устраиваться.

— Нас обязаны устроить, Леня Баламутин спрашивал. Уйди, дай отдохнуть.

Признаюсь, я выдернул вещмешок из-под его бока и через окно забросил на свободную кровать. Он обозлился, но поленился встать.

Бездельники в тенечке задремали, и часть их не успели получить постели, а склад закрыли. Они погорланили и стали устраиваться не весьма удобно на жестких койках. Гарька остался без постели и койку умудрился прозевать. Я его отругал, предложил байковое одеяло, в остром "пеняй на себя". Но не тут-то было!

— Я буду спать здесь! — нагло заявил Пуриц и в довольно грязной одежде, не сняв ботинок, разлегся на моей кровати. Я попытался его стащить, но руки его были длинными и сильными. Он привстал и чувствительно толкнул меня, да так, что я "шмякнулся" спиной о стену. На скандал стали заглядывать к нам зеваки.

— Ладно, бандит, лежи часик-полтора, пока мы на антресоли поиграем.

— Пошел вон.

Через два часа он раздетый лежал под одеялом, посапывал.

— Гарик, твоя смена кончилась, вставай.
— Убирайся! Еще раз разбудишь — получишь по морде.

Он не мог знать, что план операции мною уже был продуман. Я крутанул спинку кровати, койка перевернулась, и Гарька свалился на пол, запутавшись в простынях. Он пытался встать, смешно подпрыгивая на животе на манер жабы. Вот он встал и бросился в драку. Я наклонился, поднял его за талию и выбросил в открытое окно. Выглянул, вижу: герой копошится на клумбе, вот хватается за подоконник, который ему до пояса, пытается влезть. Но я был зол, кинул в него его штаны, рубаху, туфли и прочее. Не забыть его потерянной физиономии.

Через три дня помирились. Случай этот его ничему не научил.

Вторая наша драка произошла почти через двадцать лет, виновником ее, по всей вероятности, был я.

Наш микроавтобус мчался из Москвы в Одессу. Предстояла наша первая из традиционных встреч, встреча ребят нашего класса. Прошло 20 лет со дня окончания школы, год 1973.

Так получилось, что в Москве оказались шестеро из выпускников Одесской средней мужской школы № 43, окончивших ее в 1953 году. Вот полный список:

— Вова Маргулис,
— Олег Маликов,
— Гарик Дивинский,
— Ося Вергилис,
— Феликс Коган,
— я, сие пишущий.

Как же оказаться в Одессе в намеченный день?

Проблем было по горло. Первая — получить хотя бы неделю в счет отпуска. А это долго уговаривать начальство, приводить доводы, которым не верят. Мы с Олегом работаем на одном опытном заводе при известном институте. Он на высокой должности начальника ведущего цеха, я руковожу бюро по разработке и изготовлению испытательного оборудования. Что это значит? А то, что обоим сразу точно не отпустят. Но вдруг отпустят? Тогда предстоит убедить домашних в том, что каждый год проводить месяц вместе на юге вредно, радиация, жара, достаточно трех недель. Но вот уладили и семейные проблемы. Осталось как-то решить финансовый вопрос. Наш достаток позволял тратиться на поездки лишь раз в году.

Что делать? Думать!

Информация к размышлению. Заводу позарез требовался стенд входного контроля мощных транзисторов. Это дорогая и весьма тяжелая установка, 45 кг. Институт то не мог финансировать покупку, то ему не выделяли фондов. Решили самостоятельно разработать и изготовить стенд. И он был на 90% готов. И пришел очередной отказ. И мы сообшили: Олег пошел к самому высокому начальству и сделал предложение:

— Нам наши друзья готовы подарить нужный стенд. Бесплатно. Для этого мы просим командировку нам двоим в Одессу, с машиной. Иначе его не привезти.

Директор торговался. Его варианты — послать двух грузчиков, шофера и грузчика, одного из нас с водителем и т. д. Олег был неумолим — стенд ребята дают в обмен на свидание.

Нам дали "РАФик". Мы загрузились всей компанией в 23:00 и помчались. И сразу налили, и сразу закусили! Это было замечательно. Родная компания, воля, ожидание встречи. Гнали ровно 24 часа.

Молодой водитель гнал всю ночь, скоро Киев. Там нам предстоит заехать к Марику Волошину, уговорить ехать с нами. Заехать на работу, день был рабочий.

Я сидел с Гарькой на одном сиденье, он был мрачен. Мне, напротив, весело и легко.

— Не журыся, Пуриц! — обнимал его, прижимал к себе. На третий раз я был грозно предупрежден: "Еще раз обнимешь — получишь по морде".

Не внял, получил по морде, два раза притом. Что прикажете делать? Спуску давать нельзя, непедагогично. Рванул его за лацканы, врезал в челюсть с правой. Ни один не бросился разнять. Пришлось добавить с маху тыльной стороной ладони, и бедный Пуриц свалился в яму к автобусной двери. Никто не подошел помочь. Пришлось, рискуя получить еще, вытащить его за обе руки. Он рванулся и ушел на заднее сиденье.

Наше поведение "разбирали" в классе. Посмеялись, помирились. Обрато он с нами не ехал, остался в Одессе. Не поехал и Вова Маргулис. Взял билет на самолет.

Ребятки наши, кроме меня и Володи Маргулиса, "женились в Москву". Гарьку женили на некой Стелле Аркиной. Как-то проездом я навещил его.

Один его адрес чего стоил. Николо-Воробинский переулок! Две комнаты в коммуналке (точно не помню). Стелла — худенькая подвижная девочка, веселая и веснушчатая. Я вошел к ним в момент некоего мини-скандала. Ее родители были в своей комнате и кричали в открытую дверь.

Папаша:
— Как ты могла дать паспорта Гарику? Ясно было: он их потеряет.

Стелла:
— Так ведь только на пять минут, он шел домой.

Мамаша:
— Этот малахольный потерял два пакета молока, пока шел от угла, из гастронома.

Гарик:
— Я попрошу без оскорблений, я тоже могу вспомнить кое-что для вас нелицеприятное...

Стелла:
— Гаричек, но где же паспорта?

Гарик:
— Откуда я знаю? Неделя прошла.

Я (тихо):
— Гарька, бери жену, пойдём в кафешку, посидим, поговорим.

Гарик:
— Да ну ее, пойдём вдвоем.

Второй его брак плохо сохранился в моей памяти. Мы только переехали в Москву, я позвонил и договорился об официальном визите. Как учил нас город первого житейского опыта (открою секрет: имя его — Пенза), в таком случае надо брать с собой "и то, и то", что в переводе с высокого штиля на бытовой означает "и выпить, и закусь", плюс "бабе цветы, детям конфеты". Прибыв на место, обнаружили одного Гарьку.

— А?
— Узнав, что вы едете, забрала сына, Леньку, и смоталась на весь день.

Но у нас с собой было. Посидели, вспомнили за молодость и за родной град, "где под ласковым солнцем нежно плещет прибой".

Гарик был особенно дерганым, резким в движениях, рюмки как-то кидал в рот, попадая и на лицо. Ни раньше, ни позднее я не видел его пьющим с такой жадностью.

О жене.

— Когда ушел от Стелки, оказался на бабах. Хотя мы и сейчас... когда ее родители... В общем, на новой работе я обратил внимание на привлекательную, уверенную в себе девушку. Дама многоопытная, спокойная, неожиданно также на меня обратила внимание. Мы как-то быстро поженились. Она забеременела. И началось! Сколько злых языков, сколько просто негодяев. Наеми, подкидные записочки. Она и с тем, и с этим. И с начальниками, и с военпредами. Противно! Раз чуть не уволили. Работал у нас один, Стасик, про них намекали. Подходит раз: "Знаешь, почему она тебя, дурака, захомутала? У нее беременность от Рама Горячева, референта министра. А ты — чтобы покрыть грех". Еще бы чуть, и убил бы я его. И не жалко, если бы убил. Сначала стулом, потом ногами, когда он свалился. Дома устроил допрос с пристрастием, даже слегка сездил по морде. Потому что вела себя нагло. Жил, как на иголках. А когда родился Ленька, сомнения исчезли. Мой, как две капли.

Был случай. Она его разглагольствует, крутит, смотрит носик, пальцы на ногах.

— Что, сомневаешься?

— Да, представь, удивляюсь, — ну, и получила за это.

— Гарька, ты меня удивляешь! Рукоприкладство по отношению к слабому полу — не наш метод.

— А как она меня называет? Не знаешь? Еврейский полудурок.

— Тогда действительно плохо, дело твое бесперспективное. Проблема!

— Проблема в том, что в настоящее время на меня претендуют три женщины. Две жены и женщина из города-спутника Москвы Зеленограда. У нее от меня тоже сын. Пусть ее имя для вас останется инкогнито, буду называть по фамилии — Королёва.

Побывал я как-то и в третьей его семье, в Зеленограде. Инкогнито Королёва (Нина?) — приятная молодая женщина, любящая жена. К тому времени болезнь Гарьки заметно прогрессировала. Через некоторое время жизнь домашних его сделалась нестерпимой. Жену свою он избивал, душил, грозил выбросить в окно (с высокого этажа). Чтобы как-то его сдерживать, у них почти безвыездно жила мама, Любовь Израилевна. Она постарела, но все еще была красивой женщиной. Улаживала дела сына на его работе, и, так как начальники были мужчинами, это ей всегда удавалось. Ей не раз делали предложения пойти замуж.

Однажды она вызвала нас с Вовой Маргулисом, сказала, что дела совсем плохи: "Поговорите, отвлеките, убедите, только не грубо, не в лоб, может, где-то шутя, вы же умные ребята, друзья".

Володя на своей "Волге" повез нас на берег реки, в тихое красивое место. Там Гарик и поведал нам о своем горе.

— Все дело в том, что жена моя имеет любовника. И он не кто иной, как сам Леонид Ильич Брежнев (всё совершенно серьезно).

Володя смеялся, пытался все превратить в шутку:

— Гарик, я был бы счастлив, будь у моей жены такой любовник. Я был давнo стал министром.

На Пурица это не действовало. Я зашел с другой стороны:

— Гарик, а с чего ты взял все это про Брежнева?

— Это бесспорно! Мне уже три года обещают прибавить зарплату. И кто-то вычеркивает меня из списка. Этого мало? И в должности не повышают.

— Это только противоречит твоему утверждению. Первое лицо государства будет строить козни какому-то инженеру второй категории! Да если он захочет, тебя раздавят, как клопа, ушлют, засадят. Чтoб не мешал. А если не мешаешь, то зарплату тебе назначили бы заоблачную. Это ведь для любимой дамы. К тому же, насколько я знаю, Ильич давно дамами не интересуется. А заинтересуется, ему таких красоток предложат! На выбор. Поверь, нелогично. Это ошибка.

— Ошибка?! Мне знакомый представитель заказчика сказал как-то: "Любишь свою Ниночку, а она Ленечке галстук завязывала". Тоже ерунда?

— Твой осведомитель, конечно, скотина. Но если даже было, то в завязывании галстука нет криминала. Да и Ленечек тысячи.

— Не тысячи, какой надо! Два месяца назад теща сидит, читает газету. Я ей рассказываю, как мы с Ниной хорошо живем, как дружно, она уткнулась, читает. Я ей: "У нас такая любовь, вместе работаем, вместе гуляем". А она вдруг: "Брежнев приехал". Тут я все понял окончательно.

Мы вдвоем с Вовой нажимали на логику, убеждали без нажима. И убедили! Он успокоился, признал: "Глупости все это". Погуляли, поговорили о школе, об Одессе. Поехали отвозить Гарьку. Он вышел из машины. Пауза.

— Дураки вы, ребята. Ни одному вашему слову не верю.

Последняя наша встреча привела к полному разрыву наших отношений. Моя память стала, как решето. Это лучшее состояние для писания мемуаров. Я пошутил, потом подумал: "А может, это действительно хорошо? Все ненужное уходит сквозь. Воду, как известно в решете не принесешь. Надо подумать".

Нина Королёва развелась с Гарькой, но пришлось ей разделить квартиру на две части. Он оказался на Люблинской улице, в не очень приятной московской Капотне.

Как-то позвонила мне Любовь Израилевна, попросила приехать. Гарика необходимо показать психиатру, все сроки вышли. На прием его не затащишь, врач "любезно" соглашается приходить домой, но Гарька каким-то седьмым чувством определяет время визита и убегает из дома.

Мне определили задачу почти нереальную. Я должен был прийти, занять его разговорами и смыться за минуту до прихода врача. Если он придет при мне, Гарик осерчает и выйдет драчка вместо сеанса лечения. Придумали сценарий самый нелепый.

В момент "Х" я смотрю на часы и говорю по-мхатовски: "Ба! Да мне же позвонить надо! Я быстро сбегаю на улицу, через пять минут вернусь (на самом деле — через полчаса, по уговору). Быстро одеваюсь, высккиваю за дверь, Гарька за мной. Начинаю крутить:

— Подожди пять минут, у меня разговор секретный, с дамой.

— Ну, тогда иди совсем, домой, значит.

— Могу, если прогоняешь.

— Я тебя провожу.

За его спиной мама делает отчаянные жесты. Делаю вид, что разозлился:

— Гарик, потерпи пять минут, отцепись, я вернусь, мне еще с твоей мамой попрощаться надо, — и сбежал по лестнице.

Вернулся, посидели, разговор не клеился. Откланялся. Пуриц провожает.

— Знаешь, только ты ушел, приходит психиатр.

— Да ну! За каким чертом?

— Мама и родственники считают, что меня надо лечить. Он меня преследует.

Я — не знаю, зачем — стал сочинять, что тоже подвержен всплескам болезни, регулярно показываюсь и т. д. Это было ошибкой. Я понял это сразу по странно изменившемуся его взгляду и желвакам на скулах.

— Так это ты приводил психиатра? Ты предал меня!

— Постой, Гарик, это должен быть врач вашего района. Ты что, его увидел в первый раз?

— Нет, не в первый! Но теперь я знаю, чьих рук это дело! Знай, больше ты мне не друг! — развернулся и ушел.

Я звонил его маме. Она просила не трогать его, он мгновенно приходит в ярость.

На следующий наш традиционный сбор он пришел к школе, стал рядом, чуть поодаль. Вид у него был такой, будто его накачали преднизолоном. Также поразила его дама, которую он привел. Напоминала лицом и формами старушку из отдаленной деревни. Мы поговорили. Остатки пафоса:

— Мама умерла у меня на руках.

— От чего?

— Это вопрос личный.

— Прими соболезнования.

(Окончание следует.)

Карл ШТАЙН

(Александр ЛЮБОМИРСКИЙ)

По следам моей памяти

ИСПОВЕДЬ "ГАДКОГО УТЕНКА"

МАМА — ПУТЬ КО МНЕ

Возможно, я один из немногих оставшихся в живых "детей войны" — из семей репрессированных, "байстрюков" и "трофейных". Пацаном я жил под унижительным ярлыком "немчонок", но сохранил себя, пройдя тяжелый путь среди чужих людей, в домах и интернатах. Из страха преследований и физического уничтожения до последних дней своей жизни мать хранила тайну моего происхождения. Она умерла с именем моего отца, в один и тот же день и месяц, что и он, только с разницей в 33 года. По рассказам мамы, чудом сохранившимся фотографиям, малочисленным документам и собственным воспоминаниям я восстанавливаю свою биографию — принудительно пережитое, тяжелое прошлое, составляющее, тем не менее, мою Судьбу.

Моя мама Рина Любомирская, уроженка Бессарабии, села Каменка, 1913 года рождения, выросла и жила среди немцев-колонистов князя Видгенштайна — в зажиточной, интеллигентной и многочисленной семье Любомирских. Беда пришла в тридцатые годы, во времена "коллективизации", когда начались массовые аресты, ссылки и конфискации имущества. Семьи немецких колонистов погнали в казахстанские степи, а родителей мамы объявили "врагами народа".

Моя будущая мама с тремя сестрами жила в Одессе, оканчивала институт связи. В 1937-м, возвращаясь из института, увидела, как забирали ее сестер — полурас-детыми, с мужьями, малолетними и грудными детьми. Сохранились адреса, по которым жили сестры: Ленина, 27, Пушкинская, 77, Артема, 14. Судьбы их так и остались неизвестными. Зато известно, что в квартире на Пушкинской расположился НКВД, в остальных поселились сотрудники этого учреждения. А вскоре, в том же 1937 году, и мою будущую маму отправили на принудительные работы в Зауралье, где встретились и полюбили друг друга мои будущие родители.

ОТЕЦ — ПУТЬ КО МНЕ

Мой отец — Фритц Штайн — был из числа тех, кто бежал из Австрии, спасаясь от гитлеровского нашествия. Он думал найти приют в Советской России. Однако после торжественных встреч вагоны беженцев присоединяли к составам репрессированных из Прибалтики и Западной Украины. Под конвоем их отправляли в Сибирь на уничтожение.

Уже в Вене из архивных документов я узнал и попытаюсь восстановить трагическую судьбу моего отца и многочисленного семейства Штайн.

После аншлюса и прихода в Австрию фашистов начались массовые погромы, конфискации домов, земель, имущества местных евреев и противников режима. Мой дедушка Карл Штайн (в честь которого называли меня) был убит фашистами накануне дня рождения Гитлера. От переживаний бабушку Розу Штайн хватил инсульт, что и послужило причиной задержки эвакуации семей семерых детей из фамилии Штайн. В 1939 году все они были арестованы: Сельма 1891 года рождения, Маргит (1894), Оскар (1897), Генрих (1899), Фритц (1901), Йонас (1901), Франц (1902). С семьями и детьми они были отправлены в фашистские лагеря смерти Терезин, Бухенвальд, Аролзен — на уничтожение. Из документов о Холокосте я узнал, что Фритц Штайн с группой товарищей совершил дерзкий побег из концлагеря Аролзен. Бежали в СССР с надеждой. Но год спустя поздней осенью им вновь пришлось бежать по железнодорожному шпалам, но уже из сибирского ГУЛАГа, с лесоповала на

Осьве. Промокшие и голодные, они прибрели к домику, где жила, работая инженером-путейцем, моя будущая мама. Приютив и накормив, чем было, она устроила беглых рабочими на железной дороге. Знание языка, разумность и сообразительность Фритца объединяли моих будущих родителей. Но вскоре предстоящая проверка заставила их бежать и отсюда.

МАМА И ПАПА — ПУТЬ КО МНЕ И СО МНОЙ

Отец с матерью взяли курс на Казахстан, где среди немцев-колонистов рассчитывали найти хлеб, уют и убежище. Фронт 1941 года застал их под Сталинградом, где они заключили брак, свидетельство о котором стало их единственным условно надежным документом. Отсюда с последними вагонами эвакуирующихся заводов они отправились в Среднюю Азию. Перед очередной проверкой документов они решили покинуть поезд. Пройдя по степи и песчаным барханам тяжелый путь, мои будущие родители оказались на окраине города Коканд. Мама была на последнем месяце беременности. Их приютила многодетная узбекская семья, где и прошли роды моей мамы. От волнений и истощения у мамы отсутствовало молоко, и тогда мусульманская женщина вскормила грудью меня и своего сынишку Юсуфа (это мой молочный брат). Отец был прекрасным механиком. За пару лепешек и миску плова он сутками батрачил на тракторной станции, вытаскивая детали и восстанавливая разбитую технику. Имя Фритц, слабое знание языка, добродушие, работоспособность, легко собранная и восстановленная его умелыми руками техника — все это породило зависть и слухи о нем, как о "немецком шпионе", посланном Гитлером "для изучения советской техники и подрывной деятельности"... Это была паранойя сталинского времени. А поводами для ареста стали тетрадь с зарисовками деталей и разбавление отцом загустевшего машинного масла выжимкой масла из хлопковых косточек. Матери сообщили, что отца забирают для ремонта машин. А через день мать нашла умирающего мужа на окраине, в яме, с проникающими ранениями живота. Отец умер на руках у матери, умоляя ее сохранить жизнь своего единственного сына, а тело свое он просил перезахоронить на родине, в Вене.

Отца похоронили на окраине Коканда 25 октября 1943 года — у забора мусульманского кладбища.

МАМА — ПУТЬ РАДИ МЕНЯ

Мне было всего один год и два месяца, когда в последний раз меня видел отец. Избалованный узбекской детворой, я рос веселым кучерявым и светловолосым мальчуганом. Но счастье мое было недолгим. Однажды пришел сотрудник НКВД, чтобы меня отобрать у мамы — как "немецкого выродка". На крик матери сбежались узбекки, вытащили меня из рук жандарма. Ночью караваном верблюдов они отправили меня в Туркмению, к родственникам. Через некоторое время, устроившись прачкой в детдом, мать пристроила меня в группу девочек под именем Аля. Более двух лет я жил среди девочек. Было смешно и грустно. В 1946 году очередная комиссия обнаружила несоответствие пола. А спустя некоторое время где-то под Ростовом я стоял у калитки с надписью "Карантин", где за колючей проволокой объединялись в "Детлаг" несколько крестьянских домиков. Сюда свозили "байстрюков", беспризорных и "трофейных" детей, собранных с освобожденных территорий и Третьего Рейха. Мое имя — Карл Фритц Штайн — стало здесь олицетворением фашизма, объектом травли и издевательств. Под кличкой Фричик я прошел жестокий

путь в борьбе за существование, через унижения, побои и произвол. Ожесточенные своей судьбой дети утверждали себя издевательствами, драками и ложным патриотизмом, пользуясь безразличием и подстрекательством воспитателей, для которых мы были "недочеловеки" из категории бесправных. Но здесь я получил первые уроки рисования от контуженного подростка Хасика (Ханса), привезенного из развалин Германии. (Потом из-за сильных побоев и издевательств он покончил с собой...)

С тех пор искусство стало для меня способом выживания. Нас умывали и красиво одевали, заставляли смеяться — но это для фотографий и смотров. Со словами: "Забудь, как звали тебя прежде", — многих забирали новые родители.

В скором времени приехавшая комиссия расформировала наш "Детлаг". Оставшихся детей под придуманными фамилиями распределяли по детдомам всего Союза. Я оказался в детдоме под Полтавой, затем — под Харьковом, а в 1948 году — под Одессой.

Я не знал слова "мама". А она, "тетя Рина", все это время, находясь незаметно рядом, работая на "черновых" работах, подкармливала и оберегала меня от произвола. Мама жила в Одессе, на улице Чкалова, 33. Там жили знакомые или родственники мамы — Марк Белин с женой и двумя детьми, Димой и Фимой (потом я нашел их, они живут в Сиднее). Рискую жизнью и свободой, они сперва прятали нас на чердаке, спасая от НКВД. Затем, устроив маму работать в "красильню", помогли сделать паспорт и другие документы. Долгое время мама жила в полуразрушенном флигеле, по улице Баранова, 3, без всяких удобств, на 9 квадратных метрах. От полуголодного одиночества и отчаяния мама соединилась с человеком, с которым когда-то жила по соседству. Участник войны, сапожник по профессии, хотя и малограмотный, он сумел внушить доверие маме, обещая подержать и заменить отца ее сыну.

Я — ПУТЬ К СЕБЕ

И действительно, став сожителем моей мамы, он забрал меня из детдома и устроил в школу. Мы стали жить вместе, но со временем я стал для него чужим и ненужным. Как оказалось, он уже был женат и имел в Одессе двоих детей... Обиды, грубость и побои деспотичного человека стали причиной моих частых побегов. Удирая из дома, я жил на вокзале среди кочующих цыган, спал на развалинах, согреваясь теплом бездомных кошек и собак. Мать находила меня на чердаках и в подвалах, приносила еду, и, в слезах одаривая материнской лаской, она успокаивала меня чтением книг. Сказки Пушкина, Крылова и Андерсена по-доброму влияли на мой "одичавший стереотип". Любимой сказкой маминых надежд была сказка Андерсена "Гадкий утенок". В ней она видела мое отображение.

Но вскоре с усугубившимся туберкулезом легких мать слегла в больницу, а меня снова отправили в интернат. Там и проходил мой подростковый период.

Но жизнь не озлобила меня. Я не попал в бандиты, что случилось с людьми схожей судьбы, а в 15 лет начал трудовую деятельность, овладевая многими профессиями и доводя их до совершенства. Подвижность и физическая выносливость были важной ступенью моего развития. Получая талоны на питание, я участвовал и побеждал во многих соревнованиях — по велогонкам и гребле, легкой атлетике, в стайерских забегах и стрельбе, порою выступая "подставой" под чужими фамилиями и именами. После неоднократных провалов при поступлении в художественное училище мать изменила мне имя и перевела на свою фамилию, что дало возможность получить высшее образование. Отсутствие отца влекло меня к интересным

людям и учителям. Упорством и усидчивостью я создавал себя. Главным физическим достижением в моей жизни стал альпинизм с его романтичностью природы и духовностью окружающих людей. С тех пор прошло много лет. Из полубеспризорного подростка я превратился в образованного и грамотного специалиста. Окончив с отличием художественную школу, поступил на художественно-графический факультет педагогического института. Вел научную работу по психологии творчества, параллельно занимаясь в медицинском институте, изучал анатомию, физиологию, психотерапию и возможности гипноза. До развала Союза состоял в Обществе психологов при Президиуме Академии наук СССР, находился у истоков применения гипноза в педагогике. По путевкам общества "Знание" ездил по стране, выступал с научно-познавательными лекциями, вовлекая в гипноз публику. Был тренером-психологом сборной команды Одессы по классической борьбе.

Работал учителем в школе и внештатным инспектором, помогал "трудным" детям и подросткам, направляя их на честный путь в жизни. Преподавал в академии строительства рисунок и графику. Участвовал в конкурсах художественной фотографии, архитектуры и графики. Любовь к искусству привела меня в кино, где несколько лет я работал художником.

В 1980 году был награжден дипломом кинофестиваля. Был главным художником Центрального района Одессы. Производил работы по парковой архитектуре, проектировал и участвовал в строительстве детских площадок, баров и дискотек, занимался оформлением праздничных и городских мероприятий. Проявляя интерес к таинственному, входил в группу экспертов Украинской ассоциации по исследованию аномальных явлений.

Выработав с детства неприхотливость "спартанской" жизни, воспитанный на полубесплатных работах, я довольствовался скромными заработками, грамотами и благодарностями. Но при всей общительности характера душевный шрам трудностей детства сделал меня замкнутым и сложным в общении, что сказалось в личной жизни...

Я не был набожным человеком. Атеистическое воспитание в обществе было далеким от пути к Храму. Однако вся моя жизнь, прошедшая в иллюзиях прошлой эпохи, соответствовала Заповедям Господним. Перед Богом и людьми совесть моя чиста. Вырастил двоих детей, воспитал их честными и добрыми. Дал образование и отцовской заботой компенсировал то, чего сам был лишен в детстве.

Я не помню своего отца, не знаю (пока), кем он был, его положение в обществе, не знаю о судьбе его сестер и братьев. Возможно, где-то есть ветвь родства, но страшным временем пройденной жизни оборвана соединяющая нить.

Вся моя жизнь, мои достижения и успехи были посвящены светлой памяти отца — как символу добра и справедливости, возведенной моей матерью в культ. Это логичное завершение маминой мечты о "Гадком утенке" — в память о папе. Я надеюсь, что история моей жизни небезразлична тем, кто еще помнит и слышит в звоне церковных колоколов эхо безвинно убиенных и искалеченных душ уходящей эпохи.

Возможно, в Коканде еще живы те, кто пережил или еще помнит события этой страшной эпохи. Прошу помочь мне выполнить завет моей матери: найти могилку моего отца, сведения о которой мне почти не известны...

Виталий ОПЛАЧКО

Художник Френель

В далеком 1991 году окольными путями через Кипр я добрался до Земли Обетованной. Цфат поразил меня в самое сердце, и любовь к нему осталась навсегда. Старый город, окрашенный медовыми цветами заката, бесконечные лестницы и старинные дворики, бугенвиллии и гранатовые деревья, свисающие над стенами, где элегантно линейность надписей на иврите так чудно гармонирует с теплотой "иерусалимского" камня. Необъяснимый флер Каббалы и звуки бравурных песнопений из хасидских синагог, прекрасные лица женщин и детей — не удивительно, что так много художников выбрали этот город для жизни и творчества.

Я бродил по узким улочкам, из галереи в галерею, радуясь отсутствию туристских толп и своему одиночеству. Остановился у деревянной калитки, окрашенной в темно-синий цвет, над ней надпись: "Музей Френеля". Толкнул калитку, раздался звон колокольчика, и навстречу мне вышла пожилая дама.

Так я познакомился с госпожой Френель-Леви-Майер, последней женой Александра Френеля. Узнав, что я из Одессы, она рассказала мне, что ее муж уехал, а вернее, уплыл в 1919 году на пароходе "Руслан" вместе с той частью еврейской интеллигенции, которая положила начало Третьей Алии.

Меня провели в дом, где на стенах были развешаны огромные полотна. Сцены из Библии, портреты раввинов, написанные мощными мазками, странно деформированные фигуры клезмеров и полные чувственной эротики обнаженные. Я был ошеломлен, ничего подобного я прежде не видел.

Мы обсудили с женой художника возможность выставки работ Френеля в Одессе... и расстались. К сожалению, эта идея не реализовалась. В бурные 90-е было не до выставок — надо было выживать. И вот спустя 20 лет я вновь возвращаюсь к Френелю.

Не всем выпадает счастье родиться в Одессе. Неудачникам помогают биографы. Во всех публикациях, посвященных Александру Френелю, местом его рождения называется Одесса. На самом деле замечательный художник Парижской школы, латинизировавший, как многие его собратья, свое имя, родился в городе Бердичев 28 июля (по старому стилю) 1899 года и был назван Исааком-Айзиком Гершевичем Фрейнкелем.

К сожалению (мне часто придется повторять это), мало что известно о его родителях. Отец Иось Герш занимался торговлей в разнос. Зато прадед А. Френеля — фигура не просто известная. Леви Ицхак бен Меир из Бердичева — один из наиболее знаменитых лидеров хасидизма. В кругах еврейского населения он заслужил всеобщую симпатию своими объяснением и простотой обращения. Его называли "Санегором шел Исраэль", заступник за еврейский народ.

Во время молитв он, обращаясь к Творцу на идиш, называл его der Baremdiker — милосердный. По преданию, это обращение стало фамилией потомков Леви Ицхака бен Меира, а его именем, Ицхак, нарекли первенца в семье Фрейнкель.

В Бердичеве каким-то чудом, несмотря на революции, войны и немецкую оккупацию, сохранился мавзолей, воздвигнутый над могилой праведника.

Естественно, что ребенок с таким прадедом получал традиционное религиозное воспитание. В 1910 году семья переезжает в Одессу и живет сначала в доме № 76 по улице Успенской, а затем — на Б. Арнаутской, в доме № 59. Оба дома сохранились и поныне. В октябре того же года Исаака зачисляют во Второе казенное начальное еврейское училище, где готовили конторщиков и бухгалтеров.

В своей книге "Пароход идет в Яффу и обратно", задуманной как антисемитский роман, одесский писатель Семен Гехт описывает жизнь в этом училище. Судя по тому, что он, как и Френель, закончил учебу в 1914 году, накануне войны, они вполне могли знать друг друга. В эпизоде визита французского скульптора Аронсона Гехт пишет о том, как Аронсон хвалил рисунки одного из его друзей. Возможно, это был Исаак Френель. Правда, учитель рисования Абрам Маркович Манилам не разделял мнение француза и в аттестате по окончании училища у Френеля среди прочих оценок стоит хилая четверка по рисованию. Но так было у многих будущих знаменитостей, чей талант не могли разглядеть посредственные педагоги.

Несмотря на религиозное воспитание и должностную конторщика, страсть к живописи преодолела сопротивление семьи, и в декабре 1915 года отец Френеля подает про-

шение о принятии его сына учеником сразу во 2-й класс в Художественное училище Одесского общества изящных искусств. Его зачисляют вольнослушателем.

Меня очень занимает феномен практически одновременного прихода в изобразительное искусство десятков, если не сотен, молодых выходцев из еврейских местечек и городов Восточной Европы в начале XX века. Почему эти юноши, получившие религиозное воспитание, отбросили галахические запреты и нарушили 2-ю заповедь Завета (по важности даже впереди 4-й: "Не убий"): "Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли"? Разумеется, и прежде были евреи-художники из благочестивых ортодоксальных семей, например, Камилль Писарро или Исаак Левитан. Но такого массового "исхода" будущих гениев из штетлов Западной Украины и Белоруссии история искусства еще не знала.

Лазарь Воловик из Кременчуга, Исаак Добринский из Макарова, Иммануил Мане-Кац, Кременчуг, Михаил Кикоин, Речица (Гомельской губернии), Пинхус Кремень, Жалудок (Вильнюсской губернии), Абрам Минчин из под Киева, Иссахар бер Рыбак, Елисаветград, Марк Стерлинг из Прилук, Хаим Сутин из Смилевичей, Марк Шагал (Моисей Сегал) с окраины Витебска, Хаим (Сэм) Грановский, Екатеринослав.

Исследователи творчества художников Первой Парижской школы по-разному объясняют этот феномен. Автор замечательного библиографического справочника "Художники-евреи Парижской школы 1905 — 1939" Надин Нешавер в интервью киевскому журналу "Антиквар" сказала: "Убегая от антисемитизма в своих странах, эти художники нашли землю, которая их приняла и дала свободу творческих поисков... Без сомнения, они запустили беспрецедентное движение в еврейском мире: отвергая гнет традиций, они осознанно нарушили 2-ю из десяти заповедей, т. е. запрет на изображения человека". В своей очень увлекательной книжке "Еврейская лимита и парижская доброта" Борис Носик пишет о причинах ухода талантливой еврейской молодежи: "Теснота, убожество жизни, многодетность и наличие черт запрета (оседлости) не способствовали душевному здоровью местечкового населения". Все это верно, но почему именно в этот период произошел "исход"?

Через 20 — 30 лет с начала века, преодолев тяжкие лишения и не умерев от голода,

они станут явлением, которое назвали Ecole de Paris — Парижской школой. В списке художников этой школы значится более 500 еврейских имен, многие из них позднее попадут в другой список — пересыльный: лагерь в Дранси, конвой № 001, 002, 003... концлагерь Аушвиц. Так штетл Париж стал для них воротами в ад.

В 1918 году из Киева в Одессу приезжает "амазонка авангарда" Александра Экстер (Григорович). Она преподает в Детской художественной школе, а позднее открывает студию на Екатерининской, 24, в помещении, которое она делит со "Свободной мастерской" А. Нюренберга и студией Ю. Бершадского. Вот в этой студии у Александры Экстер 19-летний Френель и продолжает свое обучение параллельно с занятиями в Художественном училище. Здесь, у Экстер, он приобретает и первый опыт театрального художника.

Во время гражданской войны, в "оканные дни" Одесса стала прибежищем для сотен жителей Петербурга, Москвы и Киева. Издавалось множество газет и журналов, в них работали лучшие перья России. Театральная и художественная жизнь кипела. Я думаю, что больше никогда в истории нашего города градус культуры, хоть и несколько нервический, не достигал таких высот.

После 1918 года Френель учился не столько в училище, сколько в мастерских и на выставках других художников. В отличие от многих молодых евреев он не заразился идеями революции, не участвовал в судорожной деятельности различных однодневных комитетов и комиссий, создававшихся большевиками, пока город был в их руках. Мысль об отъезде в Палестину укрепилась после очередного погрома в Елисаветграде. Его друг и сокурсник по училищу Иосиф Константиновский потерял в этом погроме отца и брата. Они погибли от рук окрестных крестьян из банды Зеленого. Позднее Жозеф Констан (так он стал звать в во Франции), он же — писатель Мишель Матвеев, в своей книге "Загнанные" так опишет эпизод, увиденный им в Одессе: "Покойным ровным шагом, гигантское знамя впереди, со стороны вокзала приближается конный отряд. Хоть я и привык к таким поездкам, но этот производит на меня сильное впечатление. Я останавливаюсь, обескураженный надписью черными буквами по красному знамени "Да здравствует революция! Смерть жидам!". Подобные "сильные впечатления" оставляли мало надежд на будущее, и Френель вме-

сте с Иосифом и его женой Идой, тоже художником, воспользовались первой возможностью покинуть Россию, гибнущую в кровавой междоусобице. Впервые после мировой войны пароход "Руслан" со всем "одесским галутом", как назвал эмигрантов Яков Переман, снялся к берегам Палестины, а еще через месяц их ждали на берегу с ханукальными свечами под дождем жители Яффы.

Переезд в Палестину, как всякая эмиграция, создал массу чисто бытовых проблем, но особенно угнетающей была культурная пустота новой страны. Вместе с другими художниками-эмигрантами из России он создает кооператив "Ха Томер" в городе Яффа. Его работы того времени — эксперименты в абстракционизме — были совершенно чужды немногочисленным ценителям, привыкшим к "ориенталистской" живописи местных художников. В 1920 году без особого успеха прошла и первая на земле Палестины художественная выставка, организованная Френелем и его друзьями. Работа в студии, которую он открыл при гимназии в Герцлии для обучения старшеклассников рисунку и скульптуре, встретила сопротивление ортодоксальных евреев.

В том же году он вслед за И. Константиновским уезжает в Париж. Здесь он знакомится с группой евреев-художников, выходцев из России, обитавших в знаменитом "Улье" (La Rush). Работы Шагала, Мане-Каца, Рыбака, которые привнесли еврейскую традицию, иудаизм в экспрессионизм парижской школы, оказали заметное влияние на его живопись, особенно — более позднего периода. Сама атмосфера межвоенного Парижа, встречи в облюбованных кафе Монпарнаса "Дом", "Куполь" с коллегами создавали необычайную питательную среду для творчества. Столица Франции становится городом, где "потерянное поколение" поэтов, писателей и художников (многие из них — прямо из окопов первой мировой) создают новую литературу и живопись.

Молодой художник поступает в знаменитую Школу изящных искусств, старейшее заведение Европы, основанное еще кардиналом Мазарини, и одновременно занимается в студиях скульптора Эмиля Бурделя и одного из основателей фовизма — художника Анри Матисса. Обе студии принадлежали Академии Гран Шомьер. Этот "Большой дом под соломенной крышей" благодаря своим либеральным правилам был необычайно популярен среди творческой молодежи, в том числе и среди выходцев из России.

В этот первый период жизни во Франции Френель участвует в нескольких выставках. Его работы отмечают известные рецензенты. В 1924 году на выставке в "Салоне независимых" две его картины покупает весьма к тому времени известный голландский художник Пит Мондриан.

В 1925 году он возвращается в Палестину, где его авангардное искусство в купе с опытом Парижа привлекает молодых художников, будущих знаменитостей Израильского государства. Открывается студия в Тель-Авиве. В его работах увлечение абстракционизмом уступает место яркой экспрессивной живописи, где цвет главенствует над рисунком, а в сюжетах появляются образы из детства в Бердичеве.

В 1934-м, после очередного пребывания в Париже, Френель поселяется в Цфате, в доме XII века, который позже станет музеем и хранилищем его работ. Череда выставок в Палестине и за рубежом делает его одним из выдающихся представителей Парижской школы. Поэтому именно он стал автором работ, посвященных важнейшим событиям в жизни молодого государства — Израиля. Первое заседание Кнессета в 1948 году, портреты членов Кабинета и руководителей ЦАХАЛа запечатлены в его картинах и графиках. В Цфат приезжают и селятся художники-эмигранты послевоенной волны. Так возникает Колония художников.

В 1950 году он представляет Израиль на I и II Биеннале в Венеции. В 1952 году Френель снова едет в Париж, где кроме участия в групповых и персональных выставках в самых известных галереях мира он демонстрирует новую грань своего таланта: по заказу баронессы Алекс Ротшильд создает серию витражей. С этих пор он постоянно живет в Париже, иногда выезжая в свой любимый Цфат. В 1979 году открывается юбилейная выставка, посвященная 80-летию художника, в знаменитой галерее Оранжерии (Orangerie).

В 1981 году Френель умер и был похоронен в Цфате.

Мне бы очень хотелось написать о нем, как о человеке: о его женах, детях, друзьях. К сожалению, кроме сухих формальных биографий с перечислением выставок и наград, больше мне найти пока не удалось ни в статьях в Интернете, ни от дочерей Ариэль и Лавуры, с которыми я встречался в Израиле. Надеюсь скоро получить из США книгу, написанную Барцелом Аммоном и изданную еще при жизни Френеля, в 1974 году. Может быть, тогда мое "исследование непрофессионала" будет завершено.

Янина ЖЕЛТОК Венеция и ее Биеннале

1. Старт

Мы стартовали в Венецию из города, где живет моя подруга Вероника, места, которое местные жители называют певучим словом "Милано". Должны были добраться до Венеции днем. Но Карло, приятель Вероники и человек, который вызвался везти нас на машине, целый день спал, и мы погрузились в машинку, пропахшую собакой (конечно, вместе с одним из героев нашей истории — белым песиком Педро), часов в девять вечера. Мы ехали по трассе, которую окружал индустриальный пейзаж: заводы, фабрики, гигантские склады. Время от времени вдалеке появлялись синие горы или проносились мимо старинная колокольня. Сзади остался Милан, впереди была Венеция, но никакой сбивающей с ног красоты (вроде бы обещали!) не наблюдалось.

Только небо, небо над Италией было выписано тоненькой кисточкой, как на картинах старых мастеров.

2. Мы в Местре

По дороге стемнело.

— Въехать в Венецию на машине нельзя, — объяснила Вероника, — машина останется в Местре, а мы сядем в электричку и через десять минут будем в Венеции. Билет — один евро.

— Там другое измерение, другая реальность, — сказал Карло, — все осталось точно таким, как было построено пятьсот лет назад.

3. Что не любил Богословский?

Я, конечно, не поверила в другую реальность. Не вижу смысла любить города заранее. Ведь то, что нравится кому-то, может показаться отвратительным мне!

Например, композитор Никита Владимирович Богословский (у него я брала интервью, когда работала в газете "Вечерняя Москва") говорил, что не любит Венецию, потому что она пахнет тухлой рыбой и водорослями.

4. Пронин плакал

Зато мой одноклассник — московский прораб Валера Пронин — рассказывал совсем другую историю. Пронин в составе группы туристов прибыл в Венецию на один день. Когда пришло время уезжать, несколько человек втаскивали рослого Валеру в катер, а он упирался, он не хотел бросать эти дома, каналы и четыреста мостов. "Я влюбился в Венецию! Я так не хотел уезжать!" — рассказывал мне Пронин. Что же там такого в этой Венеции?

5. Вокзал Санта Лючия

Наш поезд с мягкими серыми креслами подкатил к Венеции, и мы оказались на вокзале, просторном и высоком. Мы шагали в полночь по ничем не примечательному европейскому вокзалу. Я уже стала волноваться, что ничего необыкновенного сегодня не произойдет. Открываю дверь вокзала,

по инерции прохожу пару шагов и понимаю, что!.. Удивительным образом мы оказались прямо в первой сцене фильма "Казанова" Феллини (мой любимый фильм, мой любимый Казанова)!

Перед нами — Большой канал, на той стороне — дворцы, в воде отражаются окна и фонари, слева — тот же белый мост из фильма! Прямо по курсу движется черная гондола, и управляет ею гондольер в канотье и матросочке. Слева и справа в черноту неба взмывают маленькие синие салюты.

Карло и Вероника оглядываются и смотрят на меня. Ты прав, Карло! Другое измерение. Просто кайф!

6. Сон

Мы в Венеции. Шагаем по мостовым и перепрыгиваем через мостики. Тут же в памяти всплывает давнишний сон. Мы в Венеции с моим папой. Я захожу в какую-то лавочку с марионетками, он — в музей. А улицы, мостики и рукава рек начинают двигаться сами собой. Мы теряемся с моим папой. Хочу вернуться, но это невозможно: найтись здесь трудно, а потеряться очень легко. Это состояние я снова чувствую уже в реальной Венеции, как только оказываюсь здесь.

7. Мы жили на Риальто

Мы добрались до квартиры на четвертом этаже, которую много лет снимает семья Карло, все как один — венецианцы. Положили рюкзаки и позвонили Марине. Марина — моя московская подруга, журналистка, каждые два года она приезжает в Венецию на Биеннале современного искусства. Она-то и соблазнила меня ехать на открытие Биеннале современного искусства. Маринка — не только подруга всех друзей и девушка, приятная во всех отношениях. Важно, что она знает, где происходит самое интересное. Сестренка Женья называет ее "Маринка-вечеринка", не иначе.

— Записывайте, где вечеринка! — кричит Маринка в телефон и диктует адрес дворца.

Дело в том, что после открытия экспозиции каждый павильон Биеннале устраивает свою пати-вечеринку с фуршетом и танцами. Описывать вечеринку я не буду: она была очень нескромной.

8. Дворец Бембо

Следующим утром мы начинаем осмотр выставок Биеннале. Первый номер — Дворец Бембо. Второй — Украинский павильон, он же — павильон Оксаны Мась.

Дворец Бембо смотрит на Большой канал и мост Риальто. Надо сказать, что старая Венеция, построенная пятьсот лет тому назад на пересечении торговых путей, задуманная как нечто роскошное, прекрасное и единственное в своем роде, удивила меня больше, чем все современное искусство, приехавшее в Венецию из разных точек мира.

Мы зашли во дворец, сделанный из белого мрамора, и напротив главного входа увидели еще один — вход с воды, со стороны канала. Высокая полупрозрачная дверь с округлым верхом была заперта, перед ней на ступеньках плескалась вода. Я подошла чуть ближе, чтобы сфотографировать дверь и воду под ней, и в тот момент, когда достала камеру, в светлом проеме из полупрозрачного стекла возник поблескивающий сталью шестизубец. Шестизубец — символ шести районов

Венеции — украшает нос каждой из черных лакированных гондол. По каналу в двух метрах от меня проплывала венецианская изогнутая ладья. Шестизубец, ее начало, проскользнул мимо так быстро, что я не успела сфотографировать. Но сам момент отпечатался внутри меня как картинка из фильма. В следующем кадре я обернулась и увидела сияющее от восторга лицо Вероники.

9. Украинский павильон

Оксана Мась привезла в Венецию части Гентского алтаря, выложенные из яиц а-ля украинская писанка. На каждом яйце много разных людей — художники и нехудожники — изобразили свои слабости и грехи. Когда мы беседовали об этом проекте Мась с одесской поэтессой Галей Маркеловой, Маркелова сказала так: "Очень сомневаюсь, что яйца поедут в Италию пустыми. Ведь это прекрасные контейнеры"! Через секунду засмеялась и продолжила: "Говорят, у меня криминальное сознание. Сама понимаешь: "Привоз" рядом!"

Интересно, как может быть контейнером яйцо, выточенное из цельного куска дерева?

Украинский павильон выглядел очень пристойно, Мась постаралась на славу. Вместо папской тиары, которая первоначально должна была отправиться на Биеннале, в Венецию поехал лик Христа, сложенный из яиц. Лбом Христа стал прозрачный купол древней церкви. Креативная находка, достойная древних мастеров.

10. Гондольер

Когда я только собиралась в Венецию, получила такое напутствие: "Будешь кататься в гондоле, выбирай гондольера, который умеет петь". Честно говоря, я не собиралась ездить в гондоле. Перед началом путешествия даже не могла предположить, что гондолы произведут на меня впечатление. В реальности драгоценный шедевр и часть необыкновенного города, каждая гондола влияла мне прямо в душу.

Говорят, гондольеры оканчивают специальную школу, где их учат языкам, истории Венеции и ее географии.

Действительно, на одном из мостиков я видела гондольера в канотье, который объяснял по-французски (!) дорогу потерявшемуся франкофону.

Рядом с площадью Сан-Марко мы набрали на небольшое озеро, где толпились гондолы. Стоянка гондол, или гондолопарк.

Блондинистый и голубоглазый гондольер, который еще издали понравился Веронике, набрал в свою лодку скучных немецких пенсионеров и плыл очень медленно рядом с нами, идущими вдоль канала. Надо сфотографировать, решила я и стала наводить резкость прямо на его красноватый фейс. Портрет гондольера вблизи.

— Не фотографируй, — воскликнула Вероника, — он стесняется.

— Ничего он не стесняется, — ответила я, — посмотри, он же вылитый крымский таксист. Знаю я этих ребят, никогда ничего не стесняются. Гляди, какая рожа красная!

— А Вы нам споете? — вежливо спросила Вероника.

И он ответил, раскачиваясь и улыбаясь.

— Ну, мы поем в определенных местах.

— Где?

— Мы поем около дома, в котором родился Казанова.

Тут он оттолкнулся веслом, стал удаляться от нас и пропел: "О соло, о соло мио!"

— Ура! Он нам спел! — засмеялась Вероника.

"Казанова с нами", — решила я.

11. Педро потерялся

Дело было утром, часов в десять. Наш товарищ Карло вернулся с прогулки в квартиру на четвертом этаже. Он начинал каждое утро и заканчивал каждый вечер прогулкой со своим ненаглядным песиком Педро ("Мне не нужна девушка, у меня есть собака, очень умный и хороший друг"). И рассказал, что Педро, белый коротконогий шнауцер с блестящими глазами и черным носом, больше похожий на Пеппе, чем на Педро, только что встретил "девушку своей мечты" и очень разволновался. Она оказалась собачкой той же породы, что и Педро. Мы как раз были готовы к выходу и все вместе — во главе процессии пес — стали спускаться вниз по лестнице с высокими мраморными ступенями. В этом подъезде мне особенно нравились двери с медными головками ангелов вместо ручек. Ну и, конечно, кованый фонарь на первом этаже. Здесь же под лестницей лежал потерянный, но хорошо накачанный футбольный мяч. Каждый раз, глядя на этот мяч, я думала: "Если бы я не увидела этот мяч своими глазами, никогда бы не поверила, что в Венеции играют в футбол!"

Обычно дверь подъезда была заперта на замок. Но тут она оказалась открытой. Влюбленный Педро помчался к невесте со скоростью стрелы амура. Карло изменился в лице и тоже рванул куда-то. И вот я вижу, как Карло с криками "Педро! Педро!" носится по другой стороне канала и буквально заламывает руки! Тут же замечаю песика и еще двух белых собачонок в противоположном углу площади, на улочке, где мы прошли вчера ночью и даже заметили стрелку к павильону Эстонии (!), где расположилась одна из выставок Биеннале, которому отдали почти все церкви города.

Я бегу в сторону белых собачек. И нахожу Педро, который куда-то не торопится, вдумчиво обнюхивает древние камни. Подхожу и беру его на руки. Мы не спеша возвращаемся к дому, вокруг которого ведутся поисковые работы. Педро спокойно едет на мне, явно смирившись со своей холостяцкой судьбиной.

Карло увидел нас с той стороны канала. Карло бросился к нам. Историческая встреча человека и собаки произошла на мосту. Свой громкий монолог Карло произнес на итальянском. Он прокричал, потяряя пальцем над головой Педро: "Любовь — это глупость!"

Карло сказал еще много страшных вещей. Песик замер на ступеньках, опустив хвост и прижав уши. Итальянские туристы остановились рядом и захохотали. Они взялись радостно защищать собаку, правда, их аргументов я уже не понимала.

Гуляя по городу и вспоминая историю чудесного спасения Педро, я чувствовала себя героем.

12. Секрет

Это секретная информация. Как та книжечка, которую Толстой не показывал жене. Каждый (ну ладно, процентов восемьдесят), кто попадает в Венецию, понимает, что ему повезло оказаться здесь. Следом за этим он ужасается, что он мог бы не попасть в Венецию никогда. Легко! Вот идея, которая приводит человека в трепет. Трепещущие путешественники идут по улочкам Венеции, а улочки такие узкие, что идущие видят друг друга очень близко. И они улыбаются друг другу. Туристы в Венеции говорят по-английски, и возникает иллюзия, что можно легко поболтать. Познакомиться просто так. Итак, в Венеции я влюблялась по два раза в день, но виновата в этом не я, а она!

13. Про японцев

Перед путешествием мне говорили, что приходится пробиться через два ряда японских туристов, чтобы посмотреть на гондолу. Так вот, японских туристов в Венеции не было вообще. После истории с атомной станцией жители страны Восходящего солнца сидят на своих островах. То ли восстанавливают народное хозяйство, то ли проявляют патриотизм. Им не до поездов! За это можно зауважать японцев с новой силой.

14. А еще я там встретила свой день рождения.

Теперь я вспоминаю Венецию каждый день.

Фото www.svsloar.com

Михаил ТАЛАЛАЙ

Гинзбурги

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДИНАСТИЯ, ОСНОВАННАЯ В ОДЕССЕ

Одесса начала прошлого века стала истинным рассадником литературных талантов: достаточно вспомнить сочные описания Валентина Катаева, посвященные его землякам.

К блестящей плеяде одесситов можно добавить, пусть и только формально, Льва Федоровича Гинзбурга, родившегося в черноморском городе в 1909 году, ребенком увезенного родителями в Италию и посему абсолютного неизвестного в России.

На своей второй родине он стяжал двойной венец славы — как плодотворный переводчик-популяризатор русской литературы и как герой Сопротивления, замученный в фашистских застенках.

Семейная история Гинзбургов подробно изложена в книге "Из Одессы в Турин. Беседы с Марусей Гинзбург", впервые вышедшей в 1983 году и недавно вновь предложенной читателям — в расширенном варианте. Изложение это организовано в форме беседы Марии Федоровны Гинзбург (1896 — 1994), старшей сестры литератора, с Марией-Кларой Авалле, бравшей у нее уроки русского. Предисловие к книге написано другом Льва, известным туринским философом Норберто Боббио, определившим ее сюжет как "важную страницу истории итальянской и истории русской".

...Родители Маруси и Льва (и еще одного сына — Николая) принадлежали к элите русского еврейства: отец, выходец из Литвы, был удачливым одесским коммерсантом; мать-петербурженка Вера, в девичестве Грилихес — филологом-самоучкой. Тяга к Италии сформировалась у Гинзбургов еще до эмиграции: их "мамзель", итальянка Мария Сегрэ, обучавшая детей языкам, постоянно жила в Одессе, и семейство ежегодно отдыхало на Тирренском море.

В один из наездов в Италию Вера Гинзбург завела курортный роман с братом "мамзель", Ренцо. Их краткая связь не осталась без последствий — на свет появился мальчик, которого Федор Гинзбург, простивший жену, признал сыном. Таким образом Лев уже по обстоятельствам своего рождения был наполовину итальянцем.

Эмиграция Гинзбургов носила характер скорее экономико-бытовой, а не политической, ибо все семейство по воззрениям было "левым". Его глава финансировал кадетов, мать увлекалась национал-социализмом, Николай состоял в социал-демократах, Мария — в эсэрах (выпускница бестужевских курсов в Петербурге, она вместе с Верой Фигнер основала в революционной столице "Трудовое бюро" для возвращавшихся амнистированных ссыльных; в изданных ее "Беседах" постоянно сквозит сожаление об оставленной Советской России). Сам Лев в эпоху Русской революции был слишком юн,

но в Италии стал убежденным социалистом и антифашистом.

Из семьи он "эмигрировал" первым, в пятилетнем возрасте. Война 1914 года застала Льва вместе с семьей в Италии: семья поспешила домой, но без мальчика, "временно" порученного заботам мамзель Сегрэ, по крови — тетке. Россию он так больше и не увидел, став, по современной терминологии, "невозвращенцем". Вторым уехал Николай: он оставил Родину в 1919 году, уклонившись от призыва в Красную армию.

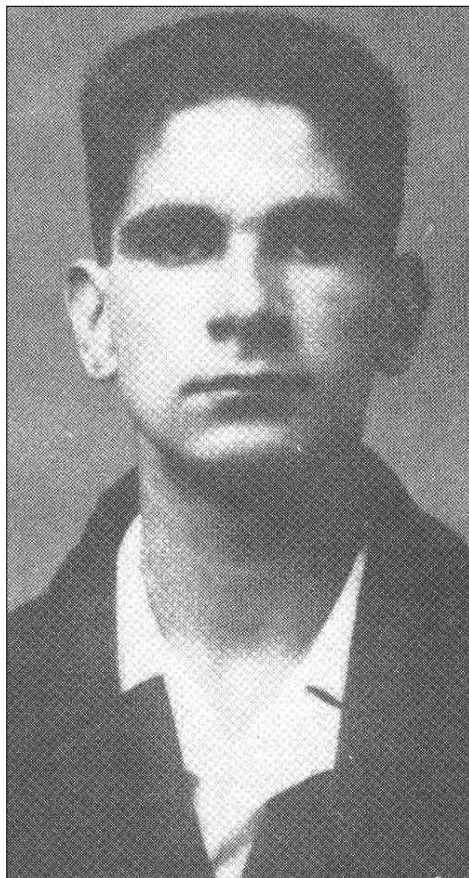
В 1920 году и остальные Гинзбурги навсегда покинули Россию: отец семейства осознал, что свободному предпринимательству пришел конец, и переехал в Берлин, где основал коммерческое предприятие (в Германии Лева доучивался в русской гимназии). В 1924 году Гинзбурги обосновались в Италии, в Турине, где старший брат Коля уже учился в престижном Политехническом институте.

Писать о русской литературе Лев начал еще в Берлине, и в мемуарной книге сестры опубликованы его юношеские опыты. Писательский дар у него обнаружился необыкновенно рано: Маруся вспоминает, что первые рассказы он сочинил в 6-летнем возрасте. В 12 лет вместе с двумя друзьями, однокурсниками по берлинской русской гимназии, он основывает рукописный альманах "Что мы думаем", где "публикует" эссе о Пушкине, Данте, Маццини.

В Турине он со страстью отдался литературе. В 16 — 17 лет Лев сочиняет ряд повестей и исторический роман — уже не на русском, а на итальянском. Две половины своей души он соединяет в переводах: в 19 лет Гинзбург печатает "Тараса Бульбу", в 20 — "Анну Каренину". За ними следуют "Дворянское гнездо", "Крейцера соната", "Пиковая дама". Переводческую деятельность Гинзбург воспринимает как миссию, несколько иронично называя себя "почтовой лошадкой литературы".

В тот же период он начинает писать статьи о русских писателях, первым стало эссе о Толстом и об "Анне Карениной" (1927). Русистика стала главной в его творчестве: уже посмертно, в 1948 году, вышел большой его сборник "Scrittori russi" ("Русские писатели").

На рубеже 1920 — 30-х годов Лев примыкает к антифашистской оппозиции, поначалу — сдержанно, так как, во-первых, до 1931 года он оставался аполоидом, "лицом без гражданства", а во-вторых — симпатизировал позициям неаполитанского философа Бенедетто Кроче, проповедовавшего "легальную конспирацию культуры". Поэтому он некоторое время сотрудничал и с официальными печатными органами, например, с журналом "Cultura", для которого в 1931 году подготовил спецвыпуск, посвященный

50-летию со дня смерти Достоевского. Впрочем, в то время фашизм еще не контролировал всю интеллектуальную жизнь страны: в 1932 году, например, Гинзбург содействовал публикации "Конармии" Бабея, своего земляка. В том же году в Париже, заканчивая дипломную работу о Мопассане, он, сблизившись с итальянскими политэмигрантами, стал сотрудничать с оппозиционной печатью — под псевдонимом M.S., в память о своей тете, Марии Сегрэ.

Его выдающиеся филологические способности и организаторский талант стали фундаментом основанного им с друзьями в 1933 году туринского издательства "Einaudi", превратившегося ныне в могучее книжное предприятие, одно из главных в стране. До сих пор оно ведет им задуманную серию "Библиотека исторической культуры", а недавно посчитало своим долгом переиздать статьи Льва, преимущественно по русской литературе.

Получив в 1933 году место доцента на фальке туринского университета, 23-летний юноша прочитал курс русской литературы. Блестящий лекторий, посвященный в основном Пушкину, стал первым и последним...

Режим Муссолини крепчал. В январе 1934 года, когда весь университетский персонал в стране был обязан "взять" партийные билеты, Лев отказался и потерял работу. Но худшее было впереди: в том же году он был арестован за антиправительственную пропаганду и осужден на 4 года тюрьмы (освобожден по амнистии через два года). В тюрьме его друзьями становятся словенцы, жители зоны Триеста, не желавшие ита-

льянизироваться по приказу дуче. Он неизбежно левеет и умудряется работать в заключении как редактор над переводом "Истории русской революции" Троцкого, другого своего земляка (возможно, именно из-за книги Троцкого Гинзбург после своей гибели не был прославлен советской пропагандой).

В 1938 году в Италии вышли так называемые расовые законы, согласно которым все подданные еврейского происхождения отпавлялись на обочину общества. Николай тут же уехал в США, остальные Гинзбурги не смогли. Репрессии обрушились в первую очередь на Льва: его тут же лишили подданства (итого официально он числился итальянцем всего семь лет), а в 1940-м изгнали из Турина в далекие и провинциальные Абрुццы. Издательство "Einaudi", несмотря на опалу его основателя, выжило, в первую очередь — благодаря другу Льва, Чезаре Павезе, замечательному писателю и в ту эпоху обладателю партийного билета.

За ссыльным последовала его жена Наталья. Именно тогда она сочинила свою первую книгу "La strada che va in città?" ("Улица, ведущая в город"). За нею последовали многие другие, а особую славу ей принес автобиографический роман "Lessico familiare", впервые вышедший в 1963 году и не раз переизданный огромными тиражами. В нем она рассказала о нескольких семейных трагедиях, в первую очередь — о подвиге мужа, тайком вернувшегося из ссылки в столицу, арестованного в подпольной типографии и замученного немцами в римской тюрьме в феврале 1944 года. Литератору было всего 35 лет. Перед самой смертью он сказал своему союзннику Сандро Пертини, впоследствии — президенту Итальянской республики: "Мы не должны ненавидеть немцев..."

Трагической была и судьба отца Натальи, ливорнийского еврея, профессора медицины Туллио Терни, вступившего в фашистскую партию (поначалу не имевшую антисемитских теорий), потерявшего из-за расовых законов работу, но не обретшего ее вновь после войны — из-за своего "фашистского прошлого". В итоге видный ученый покончил в 1946 году жизнь самоубийством...

По стопам Натальи и Льва пошла их внучка Лиза Гинзбург (род. в 1967 г.). Она начала свою литературную деятельность как редактор посмертной книги бабки, "Come è difficile parlare di se" ("Как трудно говорить о себе"), а недавно опубликовала свой первый роман "Она грозы хотела". Выдвинутый на премию Стрега и замеченный критикой, роман несет на себе печать российского прошлого семейства. Его титул взят из стихотворения Ахматовой, а главным герой Эрнесто — преподаватель русской литературы и поклонник творчества Чехова. Личная история доцента (разлад с одной женщиной и любовь к другой) развивается на фоне бесед о "Трех сестрах": его новая пассия пишет дипломную работу о Маше (один из немногих упреков критике — в чрезмерной интеллектуальности романа).

По словам начинающей писательницы, чеховский фон возник благодаря бабушке Наталье (ей и посвящен роман), утверждавшей, что Чехов "уникальным образом заставляет читателя страдать и смеяться".

Неаполь.

Эвелина ШАЦ

История одной чашки

Я пришла с фотографом Валерием Плотниковым, моим старым другом, к Лиле Брик снимать ее для итальянского Vogue'a.

Там был Параджанов, только что вышедший из тюрьмы. Он оттягивал рукава свитера и показывал синий тюремный грибок на крепких руках. Мы все были влюблены друг в друга. Я — вечно в Плотникова, а вот теперь уже и в Параджанова. Навечно. И, разумеется, в Лилу. Она была прекрасная рыжая, в черной тафте от Ива Сен-Лорана, Пиковая дама с косичкой. В гимназии, чтобы не походить на других девочек, Лиля, к ужасу родителей, обрезала себе косы, а в восемьдесят пять лет по той же причине приплетала фальшивую косу. А может быть, она была настоящей, ибо была не коса, а именно косичка. Но Пиковая дама или Рыжеволосая Венера, так назвал когда-то ее портрет художник Гарри Блюменталь, она была неотразима. Глаза блистали, как черный обсидиан с острого Стромболи. В них влажно дрожали неиссякаемое любопытство и расположение к тебе, пред ней представшей.

Мы снимали со стены шитый бисером, на верное, индийский коврик с рельефным слоником, подарок Маяковского, с какого-то

южного базара, и два грузинских армянина, Катанян и Параджанов, держали его торжественно за спиной Лилы, восседавшей, как королева, в длинном черном платье от обожжающего ее Ива, с его же брошью: пронзенный серебром стрелы блестящий круг. Фотографии, некоторые из них, публиковались, выставлялись в России, в Италии, в мире.

Я стала бывать у Лилы. Позднее в нее влюбился мой четырнадцатилетний сын Женя. До сих пор в его студии висит портрет Лилы, творение Плотникова, с замечательным автографом.

Вечерами к Катанянам заходил Веня Смехов. Других не помню. Всегда приятно накрытый по-московски стол. С Параджановым встречи продолжались весь месяц, что я была в Москве (в гостях у театра Образцова). Но это уже другая история.

Из тюрьмы Лиля получила 400 писем с коллажами от Сержа. Он работал на чистке, кажется, мешков от тростникового сахара. Воровал, вытягивая нити из мешковины, и ими писал. Так началось его искусство переплечения вещей. Он создавал свою

единственную, неповторимую эстетику из кефирных крышек, старых гребешков, битого стекла, полуманных игрушек... обтрепанных куколок. Одна, с отгрызенными ручками и ножками, хранится у меня в Милане. Своим вещам он придумывал биографии. В девять лет я стала делать что-то похожее. Большие рельефы из мусора. Мой друг искусствовед Ирина Ратиани сразу сказала: от Параджанова. Что ж, комплимент мне на руку. И в руку.

В один из вечеров, где все любили всех, у Лилы так это и случилось, она вдруг вытащила из горки одну из двух чашек с синими тонкими узорами ручной росписи, подарок Ломоносовского фарфорового завода, и протянула ее мне. Их было две. "Вася" и "Лиля" было написано на чашках. На каждой — одно. Вася застал. Но остановить ее порыв щедрости и расположенности не мог никто и никогда. Так чашка с надписью "Лиля" осталась у меня и долго пребывала в моей коллекции.

Когда ушла навечно Лиля, я прилетела из Милана, Серж — из Тбилиси. На тумбочке у Лилиной постели на даче лежал номер

Vogue'a 1977 года с моей статьей и с прекрасной фотографией Плотникова. Это была последняя статья о Лиле при жизни.

Позднее Антонелло Тромбадори, искусствовед и депутат-коммунист, выпустил статью о Лиле Брик в незатейливом, но весьма серьезном журнальчике, списав добрых две трети моей статьи. Друзья прислали мне журнал из Рима. Я этим очень гордилась. Плагиат-комплимент.

Я никогда никого не хоронила в России, будучи взрослой. В гостинице "Националь" в день кремации горничные сшили мне косынку из черных лоскутов подкладочной ткани. Но Параджанов отнял ее у меня и повязал себе на рукав во время церемонии кремации, которую он превратил в свой театр.

Я до сих пор храню эту косынку.

А вот чашку мне всегда хотелось вернуть на место, рядом с Васиной поставить. Но время ушло. Не знаю, где чашка замечательного Васи Катаняна, с которым я ходила опускать письмо в ящик ЦК КПСС с просьбой Параджанова о выезде из СССР хотя бы на год, хотя бы в Афганистан. Да, да. Я читала это письмо. Феллини обещал дать ему поработать.

Вот сколько всего, а это лишь малая часть памяти, что находится на дне, бездонном дне Лилиной фарфоровой чашки с синей каллиграфией.

Москва — Милан, 2011.

Сергей КАЛМЫКОВ

Книжки этого дома

В это уютное московское жилище, рядом со станцией метро "Аэропорт", я приходил при каждой оказии как при жизни нашего земляка Сергея Александровича Бондарина, так и впоследствии. Просторная передняя с овальным зеркалом, настенным светильником, швейцарскими милыми часами-ходиками и простым высоким стеллажом, завешенным пестрой тканью. Из передней — двери в кухню, в небольшую комнату Генриетты Савельевны, жены писателя, и, наконец, в комнату побольше, условно говоря, кабинет писателя. Там были письменный стол, лежанка, пишущая машинка, радиолы и книжное богатство на полках, в шкафах и на стеллажах. На стенах — хорошие полиграфические репродукции произведений живописи, оригинальные листы графики Чекрыгина и портрет молодого Бондарина работы Наума Соколика. Первое время мое знакомство с книгами было чисто зрительным, поскольку живое общение и неторопливое чаепитие занимали наше время полностью. Хочется упомянуть, что С.А. не только с явным удовольствием дарил написанные им книги, но и умел делать сюрпризы. Однажды он заметил мой даже не высказанный интерес к альбому Чюрлениса, и я его получил.

В 1978 году С.А. Бондарина не стало. Когда спустя пять лет мы в Одессе отметили его 80-летний юбилей, я послал Генриетте Савельевне небольшой отчет об этом событии, приложил выпущенное к заседанию в Доме ученых приглашение и еще упомянул о своей мечте "покопаться" в их библиотеке.

Вот что я прочел в ответном письме: "Что касается книг в этом доме, то, конечно же, Сергей Александрович не был ни коллекционером, ни библиофилом. Просто он приобрел книги, которые ему хотелось прочесть, или такие, какие он любил. И все это хозяйство никак не систематизировано. А что касается вашего желания покопаться во всем этом, то остановка только за вами. Вы всегда можете приехать прямо ко мне и ройтесь, сколько вашей душе угодно. Но только вы..."

Наконец, я снова в этом милом доме. Генриетта Савельевна после расспросов о моем семействе, о работе, об одесских новостях и всяких прочих делах уходила отдыхать в свою комнату, там начинал звучать радиоприемник. А я окунался в книги. Временами, осмелев, я спрашивал хозяйку, можно ли мне что-то взять, и неизменно получал разрешение. "Я больше читать не могу, а ваш музей этим не заинтересовался", — таким был ответ. Временами она сама решала сделать мне подарок. Например, когда в беседе я признался, что из переводной литературы предпочитают англоязычную, то получил том "Писатели Франции". При этом Г.С. выразила надежду, что мои кругозор и литературные симпатии станут шире. Вспоминается и другой случай, когда мне вдруг было подарено "Житие протопопа Аввакума". Почему? Ни намека на это в наших разговорах не было. Но я услышал: "Мне хочется, чтобы эта книга была у вас". В другие разы мне были вручены пухлая папка с "самиздатом", бумажничек Сергея Александровича и всякие мелочи со словами: "Это на память..."

Генриетте Савельевне приходилось расставаться с библиотекой мужа, и в первую очередь уходили художественные альбомы. Заметив пустующие мало-помалу полки, я решил набросать нечто вроде реестра, пусть даже неполного, того, что оставалось. Разве книги — не слепок души владельца? Вот мои бывшие записи, приведенные в доступный для чтения вид.

Чехов А. Избранное в 2-х томах.
Лесков Н. Произведения в 3-х томах.
Гамсун К. Собр. соч. (дореволюционное).
Герцен А. Былое и думы. Избранное в 2-х томах.
Достоевский С/с в 10-ти томах.
Мериме П. 2 тома.
Стендаль. 2 тома.
Манн Томас. "Доктор Фаустус".
Хемингуэй. 4 тома и "Острова в океане".
Паустовский. "Повесть о жизни" в 2-х книгах.
Бунин. 2 разных однотомника, "Избранное" в 3-х томах, с/с в 10-ти томах.
Куприн. Избранное в 1-м томе.
Пушкин в 10-ти томах.
Гоголь в 5-ти томах.
Лермонтов в 4 томах.
Успенский Г. "Нравы Растеряевой улицы".
Дорошевич В. Избранное в одном томе.
Монтескье. Сочинения.
Серия "ЖЗЛ": Лорка, Бальзак, Данте,

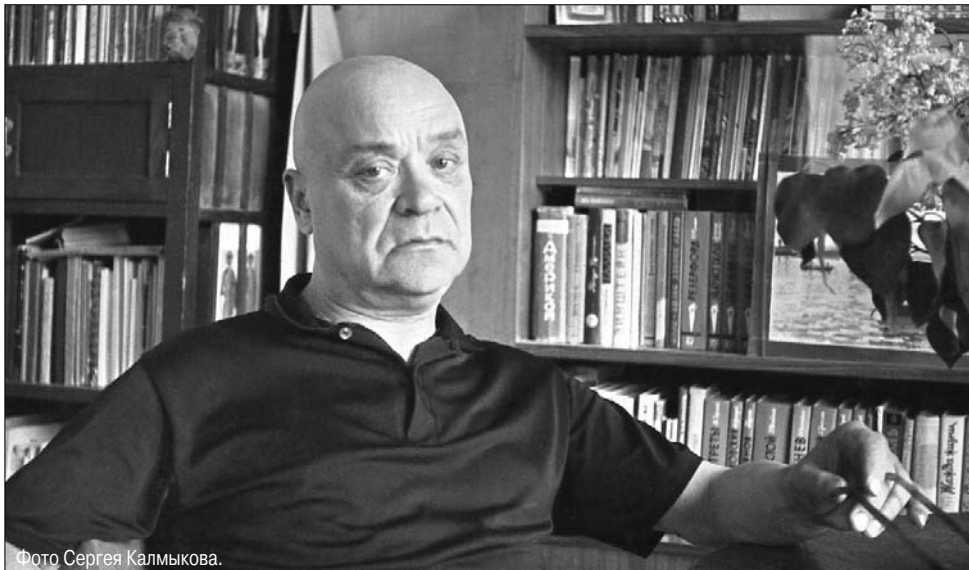

Фото Сергея Калмыкова.

Шопен, Сент-Экзюпери, Э. Галуа, Жорж Санд, Делакруа, Мольер, Мицкевич, Веласкес, Бернс, Сезанн, Шекспир, Хогарт, Достоевский, Шлиман, Роллан, Жорес, Диккенс, Марк Твен, Резерфорд, Сервантес, "Портреты", Дюма, Довженко, Тынянов, Блок, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Крылов, Кузовов.

Флайшганс В. "Ян Гус". (Изд. Сабашниковых.)

"О Чехове". Воспоминания и статьи. М. 1910 г.

Горький М. "Воспоминания". Берлин, 1923 г.

"О Толстом". Сборник.

Карел Шульц. "Камень и боль" (о Микеланджело).

И. Стоун. "Жажда жизни" (о Ван Гоге).

Две полки различных изданий самого **Бондарина**, кое-что — в нескольких экземплярах.

С. Мозм. "Подводя итоги" (с интересными полемическими маргиналиями самого С.А.).

А. Сент-Экзюпери.

Пабло Неруда.

Э. Ремарк.

Боннар Андре. "Греческая цивилизация".

Церер Эрих. "Библейские холмы".

Нейгауз Г. "Искусство фортепианной игры".

Полка с книгами по истории музыки, там же — **воспоминания Рахманинова, Берлиоза, жизнеописания Грига, Прокофьева, Бетховена.**

Книги о **Галилее, Эйнштейне.**

Эренбург И. — несколько сборников, в т. ч. — публицистика военных лет.

М. Светлов — несколько поэтических сборников.

Библиотека поэта. Большая серия: К. Бальмонт, А. Белый, Н. Заболоцкий, Саша Черный, Б. Пастернак, "Русская стихотворная пародия", М. Цветаева, "Поэты "Сатирикона".

Библиотека поэта. Малая серия: И. Анненский, В. Бенедиктов, А. Блок в 2-х томиках, В. Брюсов, "Былины", Б. Пастернак, А. Пушкин в 3-х томиках, К. Случевский, А.К. Толстой, Саша Черный, К. Фофанов, А. Одолевский, В. Курочкин, А. Радищев, Я. Полонский, В. Хлебников, М. Лермонтов, Н. Некрасов в 3-х томиках, Ф. Тютчев. (Какая-то часть этой серии издана в конце 1930-х, а какая-то — послевоенная, но я записал их подряд.)

Энциклопедический музыкальный словарь.

Краткая литературная энциклопедия, 2-е изд.

Толковый словарь Даля. 1950 г.

Ожегов С. Словарь русского языка. 1952 г.

История культуры Древней Руси.

Словарь географических названий.

Поэтический словарь.

Краткий словарь терминов изобразительного искусства.

Краткий музыкальный словарь.

Поэтические сборники: С. Третьяков, А. Межиров, Д. Самойлов, Е. Евтушенко, М. Петровых, Н. Матвеева, Б. Ахмадулина, В. Луговской, С. Липкин, Б. Слуцкий.

Здобнов Н.В. "История русской библиографии до начала XX века".

Анненков Ю. "Дневник моих встреч. (Зарубежное издание.) 2 тома.

К. Чуковский. "Мой Уитмен".

Л. Славин. "Наследник", 1930 г.

Пастернак Б. "Грузинские лирики", 1935 г.

"Мнимая поэзия", Academia, 1931 г.

С. Олендер. "Часовщик". Изд. "Федерация", 1931 г.

О. Колычев. Книга стихов. Госиздат. М-Л, 1930 г.

Ю. Казарновский. Стихи. ГИХЛ, М. 1938 г.

А. Ромм. "Ночной смотр". М. Изд. "Узел", 1927 г.

М. Тарловский. "Иронический сад". М-Л, ЗиФ, 1928 г.

И. Сельвинский. Избранные стихи. ОГИЗ ГИХЛ, М. 1934 г.

Э. Багрицкий. "Победители". М-Л. ГИХЛ, 1932 г.

Н. Тихонов. "Поиски героя", стихи 1923 — 1926 гг. Рабочее изд-во "Прибой". Л. 1927 г.

К. Митрейкин. "Я разбиваю себя", М. "Федерация", 1931 г.

А. Кудрейко. "Сердце мира". (РАПП "Новинки пролетарской литературы".) 1931 г.

Ал. Архангельский. Пародии. Изд. "Никитинские субботники", Л. 1929 г.

Н. Хикмет. Стихи. М. "Федерация", 1932 г.

На многих книгах современников имеются дарственные автографы. Но если, к примеру, у **Марии Шагинян**, соседки по дому, они трафаретны, то на книгах **Виктора Шкловского** надписи настолько нетривиальные, что их грех не процитировать (безо всякой правки):

Чулков и Левшин. 1933 г. "Дорогому Сергею Бондарину-Черноморскому-Балкарскому и проч. проч. От друга с опозданием. В. Шкловский".

Марко Поло (ЖЗЛ) "Дорогому Бондарину. Пишите много. Хорошо Вы уже пишете. Виктор Шкловский. 25 марта 1936 г."

Заметки о прозе Пушкина. "Дорогому Сергею Бондарину в дни болезни и почти отчаяния. Виктор Шкловский 22 мая 1937".

Минин и Пожарский. М. СП, 1940 г. "Милому дорогому талантливому моему Бондарину. 18 декабря 1940 год".

Заметки о прозе русских классиков. СП. 1955 г. "Дорогому Сереже и Генриетте в день их свадьбы со свободой и счастьем. Поздравляем Витя, Сима".

Повесть о художнике Федотове. "Дорогому милому (так!) Сергею Бондарину от автора. Читай и рассказывай, что не вышло. Целую тебя. Виктор. Москва-Шереметьевка, 35 мороза. 11 декабря".

За и против. Заметки о Достоевском. 1957 г. "Дорогим Бондаринам Генриетте, Сереже, Нашке от Шкловских и их котов по поручению. С любовью В. Шкловский. 7 мая 1957" (Нашка — кошачья кличка, сокращение от "наша кошка").

Л. Толстой (ЖЗЛ) "Дорогому, любимому Сереже с тысячами (1000) пожеланий издавать толстые книги. Все кончается (неразб.) прежде нас, мы еще увидим небо все в созданных нами звездах. Виктор Шкловский. Привет Генриетте 1000 (одну тысячу раз). В. Ш. 8 марта 1964 г."

Жили-были. "Дорогим Бондаринам. Книга увечная, но я ее еще допечатаю. Мы все сейчас печатаемся с изъянами и недоборами. Дорогой Сережа и дорогая Генриетта, скажите свое мнение. Виктор Шкловский. Июнь 1964 года. Последняя декада, жара".

За 40 лет. Статьи о кино. М. 1965 г. "19 февраля 1966 г. Москва. Дорогому Сереже в день, когда я его люблю долго и верно, а он меня любит так безупречно. В тот же день пингвин прошел 4500 километров. Витя Шкловский" (подразумевался советский антарктический вездеход "Пингвин").

Повести о прозе. В 2-х томах. "Дорогому другу Сергею Бондарину. Поживем еще

и здорово попишем. Виктор Шкловский. Москва 8 июля 1966".

(И еще одна надпись сделана на книге, данные о которой я утерял) "Дорогому Бондарину с любовью. Единственному Одесситу без красной мебели и с сердцем, в котором есть кровь".

Сентиментальное путешествие. Изд. "Атеней". Л. 1924 г.

О теории прозы. Артель писателей "Круг", М-Л, 1925 г.

Третья фабрика. Артель писателей "Круг", 1926 г. (Три эти книги Шкловского не надписаны, ибо знакомство писателей состоялось несколькими годами позже на Магнитке.)

В передней, на уже упомянутом стеллаже, под пестрой декоративной тканью, находилось множество разноформатных изданий: публицистических, научно-популярных, справочных, исторических. Их я проглядел очень бегло и отметил лишь несколько редких книг.

Левицкий Н.А. "Русско-японская война 1904 — 1905 гг.". Воениздат. 1938 г.

Ролльман Г. "Война на Балтийском море. 1915 г.". Пер. с немецкого. Воениздат. 1937 г.

Клаузевиц. "1812 год". Пер. с немецкого. Воениздат. 1937 г.

Мольте. "Военные поучения. Оперативная подготовка к сражению". Пер. с немецкого. Воениздат. 1938 г.

Блос В. "История Французской революции". Пер. с немецкого. Харьков. 1923 г.

Там же, на самой верхней полке, находились связки подстрочников к **Алиму Кешокову.** "Если б вы знали, что это за ужас, из которого Сергею Александровичу пришлось создавать нормальную прозу!" — заметила Генриетта Савельевна.

Папки с самиздатом и печатными фрагментами.

1. Папка из желтого прессшпана.
М. Цветаева. "Крысолов. Лирическая сатира"

М. Цветаева. Письма Ю.П. Иваску (1933 — 1937).

М. Цветаева. Вырезка из "Литературной Армении" № 1, 1966 г.

О. Б. Пастернаке. Вырезка из "Литературной газеты" от 25/X-1958 г.

Письмо Б. П. в редакцию газеты "Правда". Сообщение о смерти Б. П. — из газеты "Литература и жизнь".

А. Гладков. "Трагедия Б.Л. Пастернака (1956 — 1959)".

М. Цветаева. "Маяковский и Пастернак".

А. де Сент-Экзюпери "Письмо к генералу К".

Тетрадь с надписью рукой Г.С. Адлера "Мандельштам", содержащая стихи О. Мандельштама, письма Б. Пастернака к О. Мандельштаму, стихи Н. Заболоцкого, конспект выступлений на вечере памяти О. Мандельштама в МГУ, мехмат.

2. Папка с коричневыми шнурками.
М. Цветаева. "Б. Пастернаку".
Анат. Найман, Ленинград — Стихи — на 7 полулистах.

Е. Шарц — Стихи — на 5 листах.

Н. Коржавин. "По ком звонит колокол".

Б. Чичибабин. "Клянусь на знамени веселом".

З. Гиппиус — Три стихотворения.

Ив. Коневский — Стихотворения.

Н. Гумилев (Из неизданного).

Вас. Комаровский — стихотворения и выдержки из статей о нем.

Газета "Русские новости" — два разворота.

Е. Евтушенко "Письмо Есенину", "Казнь Степана Разина", "Примечания к автобиографии".

3. Пестрая тонкая папка.

"Письмо ученых".

Ольга Карлайль "Три встречи с Пастернаком".

Ал. Гладков. "Встречи с Пастернаком".

Фед. Степун. "Пастернак".

4. Серая коленкоровая толстая папка. Ж-л "Литературная Армения". 1966, № 1.

М. Цветаева. "Мать и музыка". ("Литературная Россия" 11 ноября 1966 г.)

М. Цветаева. "Нездешний вечер". (О Кузине, Есенине...)

"Пленный дух" (А. Белый).

"Световой ливень" (Б. Пастернак).

Нат. Гончарова. "Две Гончаровы".

Вас. Гроссман. "Добро вам" (об Армении).

Обсуждение книги Некрича "1941 год, 22 июня".

В свой конспективный и, повторяю, неполный перечень я не включил ни одного альбома по искусству, которых были десятки. Тогда не хватало времени, а потом и поездок в Москву не стало...

Июль 2011 г.

Анатолий КОНТУШ NEVER SAY FOREVER

Уже одно его название обрекает на скитания.

Тех, кому не повезло здесь родиться, — чтобы сюда попасть.

Тех, кому повезло, — чтобы отсюда уехать. Одесса. Одиссей. Улисс.

Когда-то Петр прорубил окно в Европу из темной азиатской страны. Что еще он мог сделать на севере, где пасмурно, сыро и все время дует с холодного моря? После чего для знакомства с цивилизацией населения долгое время пришлось пользоваться узким отверстием в высоких широтах — медленно, зябко и униженно.

Екатерина поняла, в чем здесь ошибка, спустилась на две тысячи километров к югу и основала Одессу.

Дверь в мир — потому что дверь всегда расположена ниже окна.

Конечно, через дверь ходить удобней. Тем более — когда со всех сторон ясно и сухо, а внизу шумят теплые волны.

Прошло каких-то пару лет, и сюда потянулись французы, греки, итальянцы, немцы и другие сообразительные народы.

Одесса с радостью пустила их к себе.

Прошло еще какое-то время, начались перемены, и многие решили уехать назад.

Одесса спокойно отпустила их обратно.

Дверь распахивалась без остановки и перед всеми.

— Добро пожаловать!

— Счастливого пути!

Чему тут удивляться?

Это такой город. Он здесь для этого.

И незачем ворчать, злобствовать и что-то шипеть про патриотизм.

Никто не виноват.

Нельзя сердиться на дверь за то, что она пропускает в обе стороны.

Дает не только входить, но и выходить.

Приезжать и уезжать, здраваться и прощаться. Но только не навсегда, потому что здесь не знают такого слова.

Изменчивый пейзаж дрожит вдали, как горячий воздух над раскаленной степью.

Изменение есть движение. Которое отсутствует в слове "навсегда", обрекая последнее на вымирание в жарком причерноморском климате.

Never say forever. Никогда не говори: "Навсегда".

Непрерывное движение приводит к тому, что все в конце концов возвращаются — откуда-то и куда-то.

Чтобы неизбежно задать себе вопрос о смысле всех этих бесконечных странствий, после которых в конце концов все равно приходишь в исходную точку.

Смысл — не в движении как таковом, а в его возможности. Которой нельзя не воспользоваться, оказавшись перед неплотной прикрытой дверью. Не посмотреть, а что же там, за ней?! Не поддаться искушению узнать то, чего не знаешь?! Не удовлетворить любопытство, чтобы потом умереть от досады?!

На Эверест поднимаются, потому что он существует.

Двери открывают, потому что они есть.

Благодаря этому мы теперь снова живем там, где жили наши прадедушки и прабабушки. А наши внуки и внучки будут жить там, где сейчас живем мы.

Мы уходим на поиск своего дома, занятого чужаками, понимая, что все мы — чужаки для кого-то.

Итака — цель — существует только в мифах. В действительности цель исчезает в момент своего достижения, оставляя идущему один только путь — главное, что есть в жизни.

Названный в честь Одиссея город обрекает своих жителей на скитания, подчиняясь законам природы.

Париж.

Владимир КУДЛАЧ Жизнь, прерванная на взлете

При всей очевидности не перестаю задаваться вопросом: почему одаренный художник долгое время не замечается при жизни, но как только приходит европейское признание — внимание к нему неожиданно возрастает, и нужна еще испускательная смерть, чтобы интерес охватил все слои общества?

Подобная участь постигла и одесского живописца Герасима Семеновича Головкина (1863 — 1909). Впрочем, многое объяснимо: при жизни был скромный, замкнут, долгое время не востребован, переписки не оставил, сведений мало, наследников нет, картины разрознены и не котируются так, как, скажем, у его более успешных современников — Костанди, Кандинского, Бурлюков, Экстер и др. А тут еще трагическая развязка, вызванная раковым заболеванием.

То, что в состоянии было взволновать одесскую общественность начала XX века, при достаточной поинформированности способно, по крайней мере, вызвать интерес и сочувствие у нас, отдаленных от нашего героя более чем на столетие.

Головкин принадлежал к когорте подвижников, ведь ради искусства он отказался от семейного счастья, материального благополучия, постоянно рисковал своим здоровьем, что, в конечном счете, стоило ему жизни. Художника не стало в начале ноября 1909 года. Жизнь сорокашестилетнего художника, полного надежд и творческих планов, оборвалась неожиданно на пороге общеевропейской славы.

Нелишне напомнить некоторые достаточно известные факты. Корреспондент "Одесского листка" Николай Скроцкий (который в то время посещал Баварскую академию художеств) в номере от 13 июня 1909 года сообщал об исключительном успехе Герасима Головкина на Всемирной выставке в Мюнхене, где за картину "Весна" одессит был удостоен большой золотой медали.

Это стало признанием европейскости, ведь начиная с конца 1890-х годов выпускник Академии жадно интересовался достижениями европейского, преимущественно — французского, искусства в частных собраниях Одессы. В 1900 году с группой художников он впервые побывал в Париже на Всемирной выставке. Постепенно это вывело творчество живописца на новые рубежи.

Западная критика обратила более пристальное внимание на Головкина в 1906 году, во время выставки русского искусства в парижском "Осеннем салоне" в Гранд Пале, организованной С. Дягилевым. В 1907 году одесский художник становится членом Международного общества любителей искусств и литературы.

В силу действовавших тогда правил не реализованные во время выставок картины художника поступали в магазины-салоны Парижа, Берлина, Мюнхена, продажа которых гарантировала автору относительный достаток. После мюнхенского успеха в октябре 1909 года Г.С. Головкин даже получил предложение выставиться в США, а его одесский поклонник — домовладелец и меценат Михаил Ближенский — построил для художника студию. Однако эти планы не реализовались: 3(16) ноября 1909 года Головкин не стало.

Об этом трагическом конце один из приятелей Головкина — публицист и художник-любитель Георгий Пекаторос — в статье, которая одновременно появилась в "Одесском листке" и "Одесских новостях" уже 6 ноября, вспоминал: "3 ноября утром я получил по-

сланную накануне телеграмму: "Операция саркомы завтра, состояние хорошее, резекция челюсти". А придя домой в 4 часа, застал вторую депешу: "Головкин умер во время операции, саркома позвоночника. Тейхман".

Неожиданная смерть перспективного художника вызвала к его личности повышенное внимание одесской общественности. За два месяца 1909 года в местной прессе было размещено более десятка, в том числе — достаточно основательных, публикаций, что соответствовало количеству сообщений о художнике за весь период с 1892 по 1909 год. Кроме упомянутого Г. Пекатороса (ранее — библиотекаря Г.Г. Маразли) наиболее содержательные статьи подготовили художники Петр Нилус и Соломон Кишиневский, а также критик Татьяна Эдуардс, супруга известного скульптора.

Почему смерть Головкина стала столь неожиданной для его современников, даже для людей, близко знавших художника? Причина как в характере художника, так и в недооценке опасности болезни самим Головкиным, а также в отсутствии в условиях Одессы соответствующей медицинской диагностики и медицинской помощи. По свидетельству Пекатороса, "жил он чрезвычайно скромно и достаточно замкнуто. До заболевания — лет пять назад — он перенес различные желчи и вообще все последнее время лечился: два последних года — на лимане". С этого времени Герасим Головкин стал меньше бывать на "четвергах" — холостяцких собраниях одесской богемы, которые после женитьбы Е. Буковецкого переместились из дома на улице Княжеской в ресторан "Дюди", что напротив оперного театра. Выпить спиртного Головкин позволял себе чисто символически.

Некоторые подробности состояния здоровья Герасима Головкина в последние годы жизни узнаем из публикаций в "Одесском листке" Татьяны Дмитриевны Эдуардс, которая подписывалась криптонимом "ТЭД": "Еще три года тому назад (1906, — В. К.) Герасим Семенович жаловался на нарывы на шее, и один из них пришлось ему оперировать; но тогда не было и мысли о саркоме. Смерть одного из близких приятелей, скончавшегося в прошлом году тоже от саркомы, была для него какой-то поразительной неожиданностью, как теперь его смерть для его друзей".

Инстинктивно Герасим Головкин чувствовал опасность, но боялся признать себе в этом. Современники свидетельствовали, что как только в присутствии художника речь заходила о смерти, он тут же исчезал. Уже летом состояние здоровья Головкина настолько ухудшилось, что не замечать это стало невозможно. Знакомые то и дело обращали внимание на дефект в его произношении. О моральном состоянии больного в этот период узнаем из записей Сергея Панкеева, в прошлом — ученика Герасима Семеновича: "Я виделся с Г., когда несколько дней находился в Одессе, и он рассказывал мне, как при глотании его что-то беспокоит. Он проконсультировался у хорошо известного в Одессе хирурга, который определил у него маленькую, совершенно безвредную опухоль, посоветовал ему вернуться для ее удаления "в любое удобное время" (из книги С.З. Лущика "Одесские реалии Человека-волка").

В критические моменты прямолинейный Головкин был способен на решительные дей-

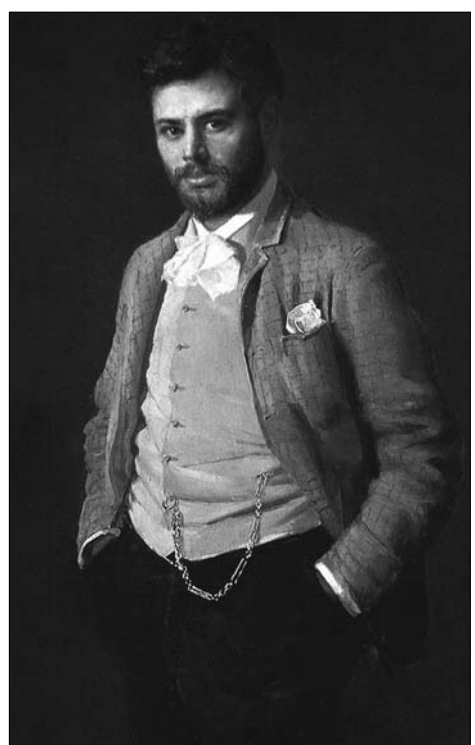
ствия. "Здесь ничего не умеют сделать! Ничего не понимают! Поеду в Берлин. Там — два часа, и готово! Нужно вырезать нарыв. Операция — прекрасная вещь. Вот мне вырезали нарыв на спине, был карбункул. Вырезали, и кончено!" Так мне говорил Г.С. накануне отъезда, говорил сильно изменившимся голосом", — вспоминал цитированный выше Георгий Пекаторос. Обобщая эти печальные сведения о последних днях жизни Герасима Головкина, констатируешь, что болезнь у художника была очень запущенной — опухоль горла (или неудачная ранее операция?) вызвала саркому позвоночника, и даже европейские светила были бессильны перед лицом неизбежной катастрофы.

Известие о кончине авторитетного художника, чья звезда удачи только разгоралась, взволновала людей, близко знавших Головкина. Свою роль в этом сыграла и одесская пресса, в особенности — газеты "Одесский листок" и "Одесские новости".

Организацию доставки тела покойного и устройство похорон взяло на себя Товарищество южнорусских художников, в котором Герасим Головкин состоял почти с момента его основания (1893). Все финансовые расходы — Александра Панкеева и Михаил Ближенский. Активную роль в делах, связанных с имуществом, играли родственники художника, в особенности — старший брат Илья Семенович. Были еще Матвей и сестра Ефросинья. Нужно признать, что все они мало понимали искусство и вряд ли ценили дарование брата, который лишен был помещения для работы в своем родительском доме (ул. Михайловская, 62). Отчасти это объясняется низким уровнем доходов и многодетностью его родственников. В упомянутой уже книге С.З. Лущика помещено редчайшее фото, сделанное в Берлине: на смертном одре — Герасим Головкин, а рядом стоит печальный и подавленный Илья Семенович. Он же доставил в Берлин на гроб венки, которые заказали А.С. Панкеева, К.К. Костанди (от ТЮРХа) и М.М. Ближенский. При отправке гроба в Одессу не обошлось без курьезов. На границе в Александрово, куда выехал И.С. Головкин в ожидании прибытия поезда с телом покойного брата, ошибочно был доставлен гроб другого русского подданного, поэтому Илья Семенович вынужден был возвращаться на немецкую границу в Торно, чтобы решить недоразумение. В Одессе 5 ноября родственники Г.С. Головкина заказали по нему панихиду в Покровской церкви, а 8 ноября в Архиерейской церкви — коллеги из ТЮРХа.

17 ноября 1909 года газета "Одесские новости" сообщала: "Завтра состоится похоронный преждевременно умершего в Берлине художника Г.С. Головкина. Тело доставят из-за границы на ст. "Одесса-Главная" в воскресенье, в 9 час. 15 мин. утра. Вынесение тела из вокзала на старое христианское кладбище состоится завтра, в 3 час. дня".

Своими впечатлениями о церемонии прощания с коллегой поделился в письме к Николаю Скроцкому (письмо так и не нашло адресата) председатель Товарищества Кириак Костанди: "Как тяжело было сопровождать так рано скончившего свою земную жизнь — полного творческих сил. Хотя слабым утешением для нас, художников, было то, что так тепло относились к художнику все слои общества: сопровождала гроб многочисленная публика. Ал(ександр) Митроф(анович) Федоров (известный одесский писатель и публицист, — В. К.) сказал прочувствованное

надгробное слово, и все потихоньку разбрелись по домам с чувством великого сожаления о столь ранней смерти талантливого художника. В Головке мы потеряли видного и малоизвестного участника нашей выставки. Да будет земля ему пухом".

В это время еще продолжала работу очередная — XX — выставка ТЮРХа, на которой рядом с работами Г.С. Головкина сразу же после известия о его смерти в траурном обрамлении был выставлен прекрасный портрет художника кисти Н.Д. Кузнецова (1904).

Художника не стало, но его работы продолжают свою музейную жизнь. Одна из наиболее полных на сегодня коллекций живописных и графических работ Герасима Головкина хранится в Одесском художественном музее, в том числе — лучшие из его картин позднего периода творчества: "Весна", "Дубки" и "Последний снег". Кстати, последняя из названных была преподнесена братьями художника Одесскому музею изящных искусств в 1911 году, во время посмертной выставки художника.

Каждый истинный художник несет свой крест, исполняя возложенную на него providением миссию. Однажды избрав этот путь, Головкин остался верен идеалам своей молодости. На большом деревянном кресте, установленном на свежей могиле, была прикреплена палитра художника как символ жертвенности избранной профессии.

В завершение хочу напомнить предупредительные слова Павла Чистякова, сказанные в свое время такому же аскету от искусства — гениальному Михаилу Врубелю: "Помните — искусство вечно, жизнь одна"... Свой камешек в основание храма вечности вписал и Герасим Семенович Головкин.

Память о художнике хранит одна из улиц Молдаванки, названная в его честь. Она расположена параллельно с улицей Михайловской, где еще сохранился родительский дом прославленного Одессу художника.

В публикации использованы материалы из фондов ОННБ им. М. Горького.

Виктория КОЛТУНОВА

Эта старая лошадь — Зубейда

Почтительно наклонив голову, Зубейда взошла в кабинет хозяина поднос со сладостями и поставила его на низенький столик перед диваном. Отошла на шаг назад и застыла в ожидании дальнейших распоряжений. Не глядя на нее, профессор Хусейн аль Ислам сделал пренебрежительный жест рукой, отсылая Зубейду прочь. Он не любил эту служанку. Молчаливая, не в свое дело не лезет, не болтает со служанками, как другие, но, тем не менее, она почему-то была ему противна. Прежде всего — своей старостью. Из-под хиджаба виднелась только небольшая часть лица, но и этого было достаточно, чтобы разглядеть на нем морщины, и они Хусейна раздражали. Внизу, на первом этаже, полно молоденьких, свежих девочек, но его жена, Айша, требует, чтобы на их этаже Хусейна обслуживала только эта Старая Лошадь, как он называл Зубейду. Ревнует, желает оградить его от соблазнов. Конечно, он, мужчина, может приказывать, что угодно, но Айша надует, начнет выказывать обиды, придумывать недомогания. Можно не обращать внимания, но это отвлекает его от работы. Сегодня он опять взял домой свои записи, чтобы подумать, поискать еще какие-то пути решения, а женские капризы... Лучше не заводить. Он услышал легкие, несмотря на возраст, шаги Старой Лошади и ощутил облегчение от мысли, что она ушла.

Зубейда спустилась на этаж прислуги. Справа — мужское отделение, там садовник и водитель. Посередине — кухня, кладовые, баки с запасами воды. Слева — женская часть. Она прошла мимо кухни, про себя отметив, что вчера еще кончилися запасы шафрана и имбиря для плова. Надо пойти на базар — купить. Но для этого следует испросить разрешения госпожи Айши. А ее нет дома. Уехала к сестрам в гости. Придется подождать вечера, раньше она не вернется. Выходить из дома без разрешения госпожи она не имеет права. Хотя по возрасту уже может иметь привилегии перед другими служанками, но лучше все-таки лишний раз не раздражать госпожу.

В комнате Зубейды было жарко, прислуге кондиционеров не полагалось. Поэтому она сняла накидку, хиджаб, вытерла мокрый от пота лоб и прилегла на кровать. Сверху, прямо над ней, располагался кабинет хозяина. Она слышала его шаги. Зная досконально расположение мебели, которую протирала каждое утро, Зубейда точно определила: вот он идет от дивана к письменному столу. Вот встал, отодвинул кресло и снова пошел к дивану. Размышляет. Его письменный стол располагался у левой от входа стены, его личный диван — справа, а тот, на котором он принимал гостей, — посреди кабинета. Именно на тот столик, перед этим диваном, она ставила сегодня поднос. Проходя к нему, увидела на письменном столе кипу документов. Значит, снова взял работу на дом. Устает, тоже ведь не молоденький. Полчаса работает, потом отдыхает. Это правильно.

Надо почистить его туфли — выходя из кабинета, она видела туфли у дверей. Сейчас, подумала она, возьму внизу крем, щетки и пойду чистить туфли.

Зубейда со вздохом встала, пошарила в сундучке со своими украшениями, выбрала серебряную заколку для платья — большой павлин со сверкающими красными глазами расправил свой хвост. Павлины приносят счастье, подумала она. Вколола заколку в темную ткань просторного одеяния, снова надела накидку, на голову повязала хиджаб. Без хиджаба выходить из своей комнаты она, как истая мусульманка, никогда не стала бы.

Посмотрела в зеркало. Все в порядке, волос из-под хиджаба не видно.

Зубейда поднялась, присела на корточки у дверей кабинета профессора и принялась сосредоточенно чистить хозяйские туфли.

В тот день госпожа Айша вернулась поздно. Зубейда помогла ей раздеться и лечь в постель. Спросила разрешения пойти завтра утром на базар за имбирем и шафраном. Айша не возражала. Попросила купить метр красного шелка, чтобы определиться с цветом будущего покрывала на своей кровати. Если шелк, о котором ей говорила Зубейда, такого насыщенного цвета, как она его описывала, можно будет добрать такой ткани еще.

Хусейн велит убрать с его глаз эту Старую Лошадь, как он ее называет. Но Айша так привыкла к ее услугам, ее покорности, способности угадывать каждое ее желание. Нет, надо протянуть, сколько еще возможно. Надо поискать в Коране: где-то, она помнит, была сура об отношении к старым слугам. Нет, кажется, она об этом читала не там. Не важно, скажу Хусейну, что нам Пророк завещал уважать стариков. Это уж точно в Коране есть. Он не посмеет ослушаться Пророка.

Зубейда встала пораньше, зашла на кухню, определила, нужно ли что-нибудь еще на базаре кроме намеченного. Взяла плетеную корзину и отправилась за покупками.

Подошла к торговке специями Лейле, купила несколько пучков зелени, пожаловалась на у-

реннее головокружение и ослабевшие со вчерашней. Зашла в лавку с тканями, купила метр красного шелка и тоже пожаловалась продавцу на плохое самочувствие. Вот лавка Махмуда, она всегда покупает шафран именно там. Зубейда купила шафран. Пошатнувшись, прислонилась к стене.

— Что-то плохо мне, — пробормотала. — Ноги совсем не держат. В голове шум.

Вышла от Махмуда и поплелась дальше. Обошла еще несколько привычных мест. Поговорила со знакомыми женщинами, пришедшими, как и она, за покупками.

Вот и лавка Гасана. Зубейда вошла внутрь. Выпрямилась.

— Салаям алейкум, Гасан. — Доброго тебе здоровья.

Гасан поднялся навстречу.

— Есть новости, Зубейда? Говори, мы одни.

Он подошел к дверям и запер их.

— Новости и плохие, и хорошие. Хорошие — что я отдаю тебе последний улов. Плохие — в том, что я ухожу. Думаю, больше я уже ничего не смогу сделать. Там уже всё. Не сегодня-завтра он выгонит меня. И не знаю, смогу ли я тогда передать тебе то, что нужно. Меня могут куда-нибудь увезти. В дальнейшем поместье, например, готовить еду для его сельскохозяйственных рабочих. Оттуда я не смогу к тебе попасть, и быть мне там бесполезно.

Гасан кивнул: понимаю.

Зубейда распахнула накидку и отколола с плеча серебряного павлина.

— Вот, последние данные. На мой взгляд, улов хороший.

Гасан взял из ее рук павлина, вышел из комнаты и вернулся с пакетом.

— Здесь паспорт на имя Зубейды умм Саади 60-ти лет. Деньги и справка от нотариуса — разрешение мужа на самостоятельную поездку в Иорданию на оздоровление в водах Мертвого моря. Новый автомобиль. Возраст тебе уже позволяет путешествовать одной с разрешения мужа. Все даты я только что поставил. По прибытии в Иорданию тебя встретят. Я сейчас сообщу туда. Будь очень осторожна, Зубейда. Я буду молить Всевышнего о тебе.

Зубейда кивнула.

— Я надену паранджу. Моего лица не будет видно. К полудню меня начнут искать, и те, к кому я подходила на базаре, скажут, что я себя с утра плохо чувствовала. Хозяйка подумает, что мне стало дурно на базаре и меня отправили в больницу для бедных. Пока она пошлет туда кого-нибудь, пройдет не менее суток.

— Мы больше не увидимся, — тихонько сказал Гасан. — Спасибо тебе. Ты не представляешь, как много ты сделала для нашего дела.

— Ну почему же, — улыбнулась Зубейда, — представляю. У меня же все-таки диплом физика.

Только в самолете, взявшем курс на Амман, она пришла в себя. Пока покупала билет в аэропорту Мехрабад, пока проходила контроль, чувствовала, как с висков под паранджой стекают липкие капли пота. Малейшая деталь может вызвать подозрение полицейских аэропорта. Что будет с ней тогда? Тюрьма, установление личности. Сбежавшая служанка крупного ученого, физика-ядерщика? Сразу станет ясно, что она не могла так просто получить чужой паспорт, такую сумму денег... Пытки, мучительная смерть.

Несколько лет назад госпожа Айша взяла ее с собой к своим родственникам, проживавшим в маленьком городке недалеко от Тегерана, для прислуживания. Да еще и потому, что порядочной женщине не пристало ездить одной, без сопровождения родственника-мужчины или, на крайний случай, пожилой служанки.

Там Зубейда, отправясь по поручению Айши на площадь, видела казнь молодой девушки. В земле была вырыта яма. Девушка в белом — траурном, как положено у мусульман — одеянии была закопана в нее по грудь. Ее руки от плеч и до уровня земли были связаны. Густые черные волосы для вящего позора не были прикрыты платком и струились с ее головы на землю. Лицо ее, удивительно красивое, открыто. Глаза — огромные, черные — смотрели прямо перед собой. Изящные губы вздрагивали.

На расстоянии метров 100 скопился по кругу толпа мужчин. Они держали в руках по камню. Среди них были старые и молодые, даже подростки. Все они, ожидая команды, застыли, глядя на жертву. Стояла удивительная тишина. В воздухе дрожало густое напряжение близкой смерти.

"Стая загнала добычу, оскалила клыки и готова броситься..." — промелькнуло в голове Зубейды. Она хотела повернуться и уйти, но ноги не слушались. Она не была в силах шевельнуться и только пристально смотрела на девушку, словно желая взглядом быть рядом с ней в последние мгновения юной жизни. Эта безымянная девушка была сейчас ее сестрой по крови, по полу, по несчастью родиться в обществе, которое в любую минуту готово отнять у тебя твою жизнь только потому, что ты надел христианский крест, или не наклонился вовремя головой в сторону Мекки, или высказал что-то, идущее вразрез с Кораном. Хотя именно эта жертва

вряд ли осмелилась надеть крест. Скорее всего, будучи насильно выданной замуж не по любви, пыталась сбежать вместе со своим возлюбленным туда, где их не знают, и попала. Притом юноше дали несколько месяцев тюрьмы, а ее приговорили к смертной казни.

Когда к казни через побивание камнями приговаривают мужчину, ему оставляют свободными руки и закапывают только по грудь. Если он под градом камней успевает выкопать руками себя из земли, он считается отбывшим наказание и свободным. Женщину, которая намного слабее, закапывают по плечи, и она обречена в любом случае.

Зубейда не могла оторвать своих глаз от ее — черных, полных смертной тоски и гордого смирения перед судьбой. Ни звука.

Наконец, старик в чалме махнул рукой. Раздался свист летящих плотной стеной камней. Крики, улюлюканье. Голова ее, лицо и грудь мгновенно покрылись кровью. Сквозь вопли ярости мужчин Зубейда не могла слышать, вскрикнула ли она. Девушка откинулась назад, насколько позволяли земляные стены ямы. Ее черные волосы блестящей волной укутали землю.

Старик-распорядитель казни снова дал знак. Толпа замерла. Он подошел к яме и накрыл покрывалом то, что возвышалось над ее краями кровавой массой. Покрывало еще какое-то время оставалось белым, слегка шевелилось, замерло. Потом резко заалело, пятна крови расплывались от середины к краям.

Зубейда поплелась назад, едва переставляя ноги.

Что было бы с ней, если б ее поймали? Страшно подумать.

Но сейчас она уже в самолете иорданской авиакомпании, то есть на территории Иордании. Конечно, если бы ее поймали, иорданские чиновники не стали бы спорить с иранскими из-за какой-то простой женщины. Но те уже не появлялись в летящем в воздухе самолете.

В Иордании совсем другие порядки, нежели в Исламской Республике Иран. Просвещенный король Абдулла, окончивший Оксфорд. Королева Рания, светская женщина, красавица, любящая европейские рауты и благотворительность. Подруга испанской королевы Софии и немецкой принцессы ганноверской. Там ей уже ничего не грозит, если только она сможет затеряться по дороге от аэропорта до дома в Акабе, где ее ждут. В том доме уже всё, она в безопасности.

Выйдя из самолета, Зубейда огляделась. Вот мужчина с плакатиком зеленого цвета, на котором написано "Добро пожаловать в Амман!" Обычный плакатик, только в слове "пожаловать" — ошибка. Именно та, условленная. Зубейда подошла к нему. Они поздоровались. Мужчина смотрел на нее с уважением.

Они направились к автобусной станции.

— Обстоятельства изменились, госпожа Зубейда, — сказал он. — Мы не можем оставаться в Иордании несколько дней, хотя понимаем, как вы устали. Вас ждут. Это срочно.

Зубейда кивнула. Она уже столько лет не принадлежит себе. Не будет же возражать: нет, хочу пожить на иорданском курорте Акаба, поплавать в море.

Автобусом они доехали до Акабы, отсюда — на пароме в Египет, всё без приключений, ее паспорт пожилой иранки не вызывал вопросов, а Саид назывался ее братом, проживающим в Иордании.

Из Египта они выехали автомобилем. Пересекли пропускной пункт, где солдат внимательно рассмотрел их документы. Поставил печать на пропуске. Саид довез ее до самого Иерусалима, попрощался.

Зубейда поднялась на лифте на 8-й этаж обычного жилого дома, каких в Иерусалиме множество. Позвонила. Дверь открылась.

— Здравствуй, Эстер. Шолом алейхем, — произнес распахнувший дверь мужчина.

Эстер шагнула внутрь, прижалась головой к его груди.

Моше погладил ее волосы, поцеловал ее в лоб. Снял с ее головы хиджаб и кинул в угол. Опыстлевшая черная накидка слетела на пол. Моше, радостно улыбаясь, взял в ладони ее лицо, взгляделся в него.

— Столько лет, столько лет... Проходи, Эстер, наконец-то ты дома! Перекусим чем-нибудь, поговорим.

Эстер прошла через коридор, помыла в ванной руки и села за стол. На столе — национальная израильская еда, по которой она так соскучилась. Красное вино, запрещенное в Иране. За распитие спиртных напитков там можно угодить в тюрьму.

Потекла беседа. Моше шутил, что за 11 лет, проведенных в Иране, Эстер стала говорить на иврите с фарсидским акцентом. Она рассказывала, как сначала год путешествовала по Ирану в качестве вдовы богатого человека, для того чтобы узнать страну, потом ее, как бедную родственницу, искавшую работу, нужные люди, пристроили в служанки к жене ученого-физика. Моше и сам все это знал, именно он разрабаты-

вал легенду Эстер, но понимал, как ей хочется выговориться, наконец, с человеком, от которого не надо ничего скрывать.

— Мне больно за Иран, — сказала Эстер. — Это была великая страна, но фанатики превратили ее в средоточие агрессии и жестокости. Если на улице два парня на радостях, что встретились, обнимутся, а рядом будет полиция, которой в Иране полно на каждом шагу, их посадят в тюрьму и приговорят к повешению. Женщины на улице не имеют права смеяться и громко разговаривать. За это тоже могут посадить. Я в первый год, пока знакомилась с Ираном, объездила всю страну, была в Хорезме, Ширазе, Йезде. Там потрясающая архитектура. Это страна поэтов и ученых, древняя Персия, страна великого Фирдоуси и Авиценны. В древности и в средние века Персия была средоточием культуры. При шахе Реза Пехлеви — мирная монархическая страна. Почему же стало так?

— Ты забываешь, что в Тегеране в 1829 г. персидские фанатики разорвали на куски русского посла — Грибоедова, — заметил Моше.

— После факультета ядерной физики в Иерусалимском университете я много лет изучала востоковедение и язык фарси. Пока меня готовили к моей миссии и за то время, что я провела в Иране, я успела полюбить эту страну. Но то, что я там видела, иногда настолько меня ужасало, что хотелось кричать и бежать отсюда. Они готовятся к войне, и это я знаю точно. Зачем, кому нужна эта война? Чтобы навязать ислам всему миру, а Ахмадинежад станет его единовластным правителем? История показала, что такие всемирные амбиции всегда заканчиваются всемирной кровью. Это путь к краху. Неужели будет та самая Третья мировая война, Армагеддон, о котором говорится в Библии?

— Я не священник, Эстер, я солдат и не могу ответить тебе на этот вопрос. Все, что зависит от нашей организации, чтобы предупредить войну, мы делаем. Те материалы, что ты регулярно передавала, находятся в МАГАТЭ. Иран уже не сможет утверждать, что разрабатывает мирный атом, а не ядерную бомбу. Надо надеяться на общественное давление на Иран. Если удастся избежать ядерной войны, то это лично твоя заслуга, Эстер.

— Ладно уж, — смущенно улыбнулась Эстер, — давай о деле. Саид сказал — у тебя ко мне что-то срочное... Но у меня уже не тот возраст, да и силы не те. Нервы сдают.

— Нет, Эстер. Твой контракт давно истек, последние годы ты рисковала жизнью по собственной воле, от тебя большего требовать невозможно. Мы предлагаем тебе мирную работу здесь, в Иерусалиме. С твоим колоссальным опытом, знаниями ты могла бы вести обучающий курс. Но приступить надо немедленно. Обстановка очень напряжена.

Эстер покачала головой.

— Не могу. Устала я очень, износилась. Знаешь, чего я хочу? Вернуться домой, откуда мать и отчим увезли меня в Израиль 12-летней девочкой. Там у меня должна быть сестра по матери, если она еще жива. Единственная родня. Израиль дал мне все: блестящее образование, новую жизнь, наполненную смыслом, но годы берут свое, и я хочу дожить рядом с ней. Помоги узнать: жива ли она?

Моше тихонько рассмеялся.

— Эстер, ты недооцениваешь организацию, в которой работала. Все 11 лет, пока ты была в Иране, твоя сестра получала "от тебя" письма и письма. А ее ответные письма, все, хранятся у меня, я тебе их отдам. Но если ты уедешь из Израиля, мы никогда не сможем видеться. Я-то остаюсь в разведке. Это мой долг. И не могу ни последовать за тобой, ни встречаться с тобой, работая в МОССАД. А я столько мечтал о тебе. Ты мне дороже всего, Эстер. Если б ты знала, как я боялся за тебя... Останься, Эстер...

Моше взял руку Эстер в свою, целовал ее пальцы.

Эстер молчала. Душа ее ныла и разрывалась между этим человеком, который был ей дорог, единственным, к кому стремилось ее сердце, с кем навсегда разделил их общий долг, с которым ей так и не довелось быть вместе, и памятью предков, памятью о том маленьком городке, где она когда-то родилась и сделала первые шаги, впервые сказала "мама". Землей, в которой она хотела быть похороненной. На глаза ее выступили слезы.

Моше понял. Поднялся.

— Хорошо. Ты уедешь.

Эстер попросила, чтобы билет ей взяли до Киева и бронировали гостиницу на три дня. Она хотела увидеть столицу своей бывшей родины. Три дня проходила по городским улицам, удивляясь и радуясь их пышности и европейской красоте, столь отличной от построек Востока. Затем села в поезд до Ивано-Франковска. Оттуда — автобусом в Черновцы. С автовокзала маршруткой на самую окраину. Затем пешком. Вот уже кривые, заросшие травой последние улочки города. Родной палисадник. Что-то новое... А, это аистное гнездо на стрехе. Эстер открыла покосившуюся калитку.

На пороге стояла старуха. Она протянула к Эстер морщинистые руки.

— Ганю, рідна моя. Моя Ганя, моя маленька Ганя...

И заплакала. Ганна Опришко прижала ее к груди.

— Годі, Марусю, годі, я повернулася, я вдома...

Константин ИЛЬНИЦКИЙ

ТРАЯНОВЫ ВАЛЫ

На горькую латынь стихи переведа,
испытывать судьбу отправился в набег.
Так пересохший лес напрасно ждет дождя.
Пускай хотя бы снег, холодный белый снег.

Лексический порог издревле стерегли
Траяновы валы — имперский обрег.
Метели замели забытый край земли.
И был один на всех — холодный белый снег.

Здесь погонял табун косноязычный гунн,
изматывал коней маневром обходным.
Но не пройти врагу, поводья на снегу,
ему пощады нет, как и его родным.

Траяновы валы — для варваров запрет.
Манящие миры. Мечты, по существу.
Но разминулса с ним на тыщу с лишним лет —
читателем моим, примкнувшим к большинству.

Обугленный пролом. Заснежен окоем.
В усилии моем — поэзия чиста.
Она вернулась в дом, мой разоренный дом
и мертвым языком наполнила уста.

14 — 18 декабря 2011 г.

Алена ТИЩЕНКО

ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

От рассвета до заката
листья падают бесшумно.
Кто быстрее земли коснется —
состязаются, бродяги.
На ветвях сидит ворона и,
себя считая умной,
наблюдает за листовою,
головой чертя зигзаги.

Парк остыл, скамейки влажны,
и асфальт покрылся грязью,
люди с красными носами
плотно кутаются в шубы.
Лишь бездомные собаки, кувыркаясь,
без боязни
лают громко, чешут спины
о чернеющие срубы.

Город вымер, в спячке люди,
а ведь это только осень,
но придет зима — и что же?
Где укрыться на зимовку?
А вон там, на той аллее,
где стояло пару сосен,
чей-то кот сидит с табличкой:
"Объявляю голодовку".

Всюду серо, мрачно, стыло,
неприкаянность и скука,
жизнь кипит, но где-то между
параллельными мирами.
И никто не обогреет, не протянет другу руку,
ходим мимо, смотрим мрачно,
словно все это не с нами.

Пишем письма, отправляем
и надеемся, что будет
удивительное что-то,
ведь должно же так случиться...

Только лист осенний желтый
на ветру устало крутит,
он бросается к прохожим
и заглядывает в лица.

Екатерина ЧУДНЕНКО

День не сдает экзамен.
Сумерки наползают.
Время влепляет свежие
жалящие затрещины.
У меня на стене висит женщина
с голубыми глазами.
И я не знаю и доли того,
ЧТО
знает эта женщина.
Борется с призраком города
призрак мой тараканий.
Сон и явь не меняю
в спешке
на что-то третье.
Женщина кутает голову
темно-багряной тканью.
Это женщина старше меня
где-то на двадцать столетий.
Я не справляюсь с течением
времени,
вяжется
страх бесконечной шалью.
Кутает землю и крыши.
Женщина, помоги мне,
женщина, ты меня слышишь?
Я ей шепчу, и, кажется,
женщина меня слышит.
Женщина, знаешь, от жажды иметь
стала я пошлой и мнительной.
И не вспомнить уже, не понять,
что же за вещество я.
Где-то внутри поселилась смерть
и прорастает стремительно.
Женщина смотрит и верит в меня,
знает, что я существую.
Женщина смотрит, и падает снег.
Женщина смотрит, и август ерошится.
Женщина смотрит, и в новой весне
старые зимы по-новому крошатся.
И я прошу: дай мне, женщина, сил
быть настоящей, живой, а не мнимой.
Кто бы тебя и о чем ни просил,
я хочу жить — чтобы в цель, а не мимо.
Пусть и разбиться, но лишь с высоты.
Мне лишь бы быть, быть собой —
не казаться.
Чтобы смогла я однажды, как ты,
просто смотреть и тепло улыбаться

Слушай рокот и шепот морской волны!
Мы — песок, мы бездумны,
легки, вольны.
Мы повязаны капельками забвения,
Словно пепел какой-то большой войны,
Прекративший тление.

Кто, когда и зачем это дно устал?
Бесконечность вод, бесконечность скал.
Память — прочь волною.

Лишь к чему-то дрожит в кривизне зеркал
Острый профиль того, кто когда-то звал
И по имени вроде бы называл
То, что было мною.

Вероника РОМАНОВСКАЯ

Мы заштопаем брешь — объятьями,
Мы заполним тишину голосом.
Твоя проседь вечерними пятнами
Упадет на мои волосы.

Поцелуи сотрут одиночество.
Я тебе прошепчу: "Извини меня"...
И впервые осмелюсь — без отчества —
Обратиться к тебе по имени.

Мы зашторим окно присутствием
И друг другу посвятим вечер.
Все неважно. Главное — чувствовать,
Что когда мы вдвоем, легче.

С полумраком сливается почерк.
Этот вечер — предвестник бессонницы.
Называй меня так, как ты хочешь,
Только не называй "любовницей"!

На столе после нас останутся
Два бокала, допитых полностью,
Это значит, что скоро расстанутся
Две тяжелых судьбы, два возраста.

Я уже отвести взгляда
От тебя не могу, не рискую,
Потому что, когда ты рядом,
Я люблю, убеждаюсь — живу я!

Мы заштопаем брешь — объятьями,
Мы заполним тишину голосом.
Твоя проседь вечерними пятнами
Упадет на мои волосы.

ЛИСТОПАД

Обжигала прохлада. Листва опадала
И навязчивым ветром бросалась во тьму.

Этот голос знаком мне и незнаком.
Я грущу о нем, но о ком, о ком?
Отзывается шепотом, как молотком,
Голос бьет волнами,
Образуя дыхание в холостом
Безымянном теле, и на пустом
Дне растет цунами.

В этом нашем бездушном морском раю
Я пускаю, как кровь, тишину свою
Тонкой струйкой морского сока,
Протекает мой голос сквозь гул камней,
Чтоб опять родиться, чтоб стать живой.
Кто-то звать устал.
Что ж... ему видней.
Это море безумнее всех морей
Спит во сне глубоком.

Запах цветущей черешни
До невозможности сладок.
Чуется в нем нездешний
Сахар рахат-лукумов.
Нюхаешь в одурении
Эту цветущую кашу.
Чудится чудо-варенье,
Нежно язык ласкающее,
И вот ты хватаешь цветение,
Губами его срываешь.
Пытаешься в нетерпении
Выпить весеннюю сладость.
Но — что за вкус с горчинкой?!
Что за сок неприятный?!
Что же так огорчило
Дерево, раз оно горько?
А может быть (вот как бывает),
Люди и ветки черешни
Сладость воспринимают
Каждый очень по-разному.

Новое солнце
Играет на старых обоях.
На кухонном столе
Разложены фрукты и овощи.
Я сижу и скрепчиваю
Тебя с собою.
Иногда получают ангелы,
Иногда — чудовища.

Небо отрезком пялится
На сковородки.
Запертый воздух бьется
В оконные щели.
Мне бы сейчас
Да немного водки.
Страшно тебе писать —
До отвращения.

Я вынимаю, выглаживаю
Свои вещи,
Модные в этом сезоне,
Модные в прошлом.
Нужно писать выразительней,
Ярче, легче.
Но описание чувств
Кажется пошлым.

Опадала листва, а потом догорала,
Как ненужное что-то уже никому.

Так срываются звезды, так падаем мы:
На лету горим, на любовь опаздывая,
На подвиг, на освобождение из тюрьмы,
На праздник, который
ни с кем не празднуем.

Ни веселия шумного, ни шашлыка,
Ни манящего запаха дыма — не надо.
Мы сгораем, как листья, но лишь свысока
Нам видна и понятна земная прохлада.

Это наша судьба, мы — лишенные виз:
Ни по чужой, ни по собственной прихоти

Мы уже не взлетим и не спустимся вниз,
Так пока мы летим и горим — смотрите!

Опадала листва. Обжигала прохлада.
Мы бросались под ноги, сгорали в дыму.
Разве кто-нибудь думал
в момент листопада,
Что он станет не нужен нигде никому.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Люблю тебя спустя несколько лет
После этой разлуки нашей...
Люблю тебя —
не признание, нет —
Отголосок души, уставшей

От нее, от любви безутешной
И неотвратимо прошлой...
Люблю тебя святостью грешной,
Любовью душевно-пошлой.

Люблю тебя, отпустив навсегда.
И мне... не должно быть страшно...
Люблю тебя с опозданием, да,
Любовью люблю опоздавшей!

Что-то банальное очень
Есть в этом деле.
Ты, как никто,
Умеешь
Видеть глубины.
Я не справляюсь
С внутренней
Бухгалтерией.
Делаю громче шоу
С мистером Бином.

Стирка — как поиск себя.
Глажка — как наказание
За недостаточность красоты
Письменных выражений.
Если бы можно было тебя —
Как их всех — слезами
Или каким-нибудь
Соблазнительным
Телодвижением...

Ты, как никто,
Умеешь стрелять и целиться.
Я не всегда готова
Становиться мишенью.
Я что-то чувствую
(Если вообще это ценится),
Но это чувство
Вроде как
Несовершенно.

Лучше цедить компот
Со спелыми вишнями.
Мир может быть лишь сейчас
Весь пронизан тобою.
Если не получается — это лишнее.
Старое солнце играет
На новых обоях.

А месяц не желтый — бурый —
И катится по кривой.
В себе убиваю дуру,
Пытаюсь остаться живой.

Пусть тянется от запястья
Надежд и желаний нить.
Я жадную глотку страсти
Отказываюсь кормить!

Ты смотришь легко и метко,
Сжигаешь во мне меня.
Пусть хочется каждой клеткой
Покрепче тебя обнять.

Пусть где-то под глупой кожей
Проносится ураган.
Но слишком ты невозможен,
Чтоб падать к твоим ногам.

Твой голос меня калечит.
Какая здесь благодать?!
Чтоб стало немного легче,
Отказываюсь желать.

Давай же, давай, не мешкай:
Заканчивай свой обряд.
А месяц глядит с усмешкой
И в небо пускает яд.

Люблю тебя спустя несколько лет
После этой разлуки нашей...
Люблю тебя — не признание, нет!
Почему-то признаться — страшно.

Люблю тебя, отпустив навсегда.
Тоскою томлюсь томящей.
Люблю тебя сейчас, как тогда,
Любовью люблю настоящей!

Люблю тебя и не знаю, как быть
С отголоском души уставшей.
Люблю тебя и пытаюсь забыть,
Продолжая любить тебя дальше.

ПОЦЕЛУЙ

Твой поцелуй так сух...
И в зареве вечернем
Слова пронзают слух
И веют огорченьем.

Давай без трюков, лжи,
Давай без перемен!
Ты только мне скажи:
К чему обман в обмен

На чувство?.. Чуть дыша,
В тревоге снова вижу,
Что становлюсь на шаг
Счастливее... и ближе

К тебе, чем ночь и звук,
Чем все слова-пароли,
Твоих касаясь рук,
Твоей одежды,
боли.

Слова на слух пусты.
Сердца трепещут шумно.
Есть только я, и ты,
И поцелуй безумный!

Евгений ДЕМЕНОК Короткие рассказы

ГОГОЛЬ И МАГОГОЛЬ

Старожилы рассказывают, что Николай Васильевич Гоголь, который, как известно, именно в Одессе писал вторую часть "Мертвых душ", как человек в высшей степени практический, вовсе не сжег рукопись в камине, а листик за листиком продавал ее одесским бабушкам, торговавшим в центре семечками. Особенно много листиков досталось некоей Тамаре Аристарховне, продававшей семечки аккуратно на Гоголя угол Некрасова. Говорят, много лет еще она сворачивала из этих листиков кулечки, но перестав тем непременно прочитывала. Еще говорят, что были те семечки вкуса необыкновенного — особого, литературного вкуса, совсем не такого, как семечки, насыпанные в обычные газетные страницы. И вроде бы даже часть листов досталась наследникам, но — революция, войны, холера... Правда, приезджал к Тамаре Аристарховне из-за границы один человек, долго расспрашивал ее, а потом щедро заплатил. Старушка до

самой смерти категорически отказывалась называть его имя, но, к счастью, иностранец забыл на комод в квартире Аристарховны свою визитку. Теперь благодаря известным одесским краоведам Александру Розенбойму и Олегу Губарю мы знаем это имя. Но я вам его не скажу.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

Бутылочная почта была изобретена совершенно случайно. Привыкшие к стабильности и порядку европейские моряки, впервые прибыв в порты Юго-Восточной Азии, рассчитывали сдать накопившиеся за долгое плавание многочисленные бутылки из-под рома и на вырученные деньги купить новую выпивку. Зайди они в Лондон или Гамбург, никаких проблем бы не возникло. Но индийцы и малайцы в то время еще не продвинулись так далеко на эволюционном пути развития и бутылки принимать отказались. Вернее, взять бутылки они были готовы, но вот платить за них — ни-ни. Разозленные моряки выбросили бутылки в воду. Когда настало

время отплывать, они обнаружили, что бутылки не утонули, а радостно плавают в гавани. Тогда моряки понаписывали на клочках бумаги всякие глупости, засунули их в бутылки и залепили горлышки сургучом. Еще долго индийцы и малайцы вылавливали их и любовались красивыми непонятными буквами, не догадываясь о содержании записок.

Кстати, знаменитое Бостонское чаепитие случилось по похожей причине. Английские власти раз в месяц присылали в свои североамериканские колонии чай. И вот однажды в назначенный день пароход с чаем не пришел. Он не приходил еще два месяца, а когда, наконец, прибыл, колонисты поняли, что скупые нагличане вместо привычного цейлонского чая прислали им краснодарский. Возмущение колонистов было таким сильным, что они выбросили тюки с чаем за борт, прямо в океан. А через некоторое время началась война за независимость Соединенных Штатов, и всем известно, чем она закончилась. Будь чай тогда нормальный — глядишь, и не было бы на сегодняшней карте мира великих и могучих США. Мораль очевидна — тут скупой не то что заплатил дважды, а вообще потерял всё нажитое непосильным трудом.

МАЙОР ЛОШАДКИН

"Все это дребедень", — думал отставной майор Лошадкин, почесывая деревянную ногу. Он купил ее заранее, до поступления на

службу, потому что цыганка еще в детстве ему нагадала, что он потеряет ногу на войне. Видимо, цыганка была просроченная, и ее предсказание не сбылось, но майор полюбил свою ногу и часто почесывал ее, сидя перед камином на своем ранчо. Спала нога вместе с ним в его кровати, и жена ушла от майора, не выдержав этого испытания, бросив ему перед уходом: "Она встала между нами непреодолимой преградой, неприступной стеной, чесучовой поверхностью, на ней завелись блохи, и мне надоело их вычесывать!" Майор воспринял уход жены стойко, даже с юмором, потому что жен у него было много, а деревянная нога одна, и она ему никогда ни с кем не изменяла, даже когда одна ездила на курорт. А ездить на курорт самой ей доводилось частенько — майор был занят на службе и на учениях, он готовился защищать Родину от многоголовой гидры врагов-атлантов. Майор был эстет и светский лев, он мечтал превратить Советский Союз в Светский Союз — чтобы все граждане огромной страны социализма тоже стали светскими львами и львицами и вели себя куртуазно и изящно. Свои мечты он регулярно загружал в мечтатор, как того требовал устав Вооруженных Сил, и в результате поплатился за это — его разжаловали в рядовые и отправили в отставку, не лишив его при этом, однако, его любимой ноги, но, впрочем, нога и сама ходатайствовала в высшие инстанции о желании уйти с майором на покой.

ЧАЧА-ЧА

Правда, всегда приятно знать что-то такое, чего не знают другие? А если ты знаешь то, чего не знает почти никто, — приятно вдвойне. Или втройне. В общем, совсем приятно. Такое знание сродни открытию — ты вдруг становишься носителем истины, в то время как все остальные пока еще пребывают во тьме заблуждения. И первое желание первооткрывателя — развеять эту тьму, привнес в нее свет знания. А слава... Наверное, она создана как награда для исследователей.

История — удивительная наука. Одна из немногих, где субъективное и объективное шагают рука об руку. Пробелы в информации дополняются фантазиями и домыслами исследователей и ученых. Проходят годы, и никто уже не может точно сказать, как все было на самом деле. И когда неожиданная находка проясняет пусть даже маленький эпизод прошлого, это становится сенсацией. Все знают, какое значение имела находка Кумранских рукописей. Таких примеров множество.

Мое открытие, конечно, менее важно, чем знаменитые рукописи, но все же... Для науки нет мелочей. Ну что ж, не буду тянуть и начну свой рассказ.

Во время недавней поездки в Грузию с группой выпускников Киево-Могилянской бизнес-школы нас пригласили на дегустацию вин в Кахетию, в Кварели, на завод корпорации "Киндзмараули". Грузинское гостеприимство известно всем. Вино и чача текли рекой, а столы ломились от мяса и зелени. Конечно же, перед началом трапезы был соблюдён и протокольный момент — владелец завода Тамаз Кончошвили провел для нас небольшую экскурсию по заводу. У входа в главный корпус была прикреплена краси-

вая табличка, которая привлекла мое внимание. Подойдя поближе, я прочел, что в 1960-м году на заводе побывала делегация кубинских коммунистов во главе с команданте Хуаном Альмейдой Боске.

Меня разобрало любопытство, и я решил узнать у Тамаза подробности. Удобный момент подвернулся не сразу — сначала мы давили виноград, потом дегустировали вино, ели, пили в неограниченных количествах чачу... Потом — неизвестно, откуда — перед нами появился хор мальчишек, поющих прекрасные песни. Конечно же, все пустились в пляс. Тут-то я и смог пообщаться с Тамазом. И вот что он мне рассказал.

Как всем известно, в 1959 году на Кубе победила революция. Точнее, произошла. Советские власти поддерживали революцию всеми фибрами своей души — если она у них, конечно, была. Молодому кубинскому государству оказывалась не только денежная и военная помощь. Делегации кубинских революционеров и просто товарищей начали активно посещать нашу необъятную советскую Родину — они приезжали за передовым социалистическим опытом. Каждая союзная республика считала за честь пригласить кубинцев и показать им, как мы умеем принимать дорогих гостей. Разумеется, в числе первых была Грузия, тогда — Грузинская ССР. Все-таки юг, климат для кубинских товарищей привычный, а радушие и гостеприимства — хоть отбавляй. Чем всегда славилась Грузия? Конечно же, в первую очередь — вином. И вот кубинская делегация на заводе "Кварели" — так назывался тогда наш завод. Сопровождает гостей сам Василий Павлович Мжаванадзе — первый секретарь ЦК Компартии Грузии. Сами понимаете, какой это уровень.

Собственно говоря, программа для кубинских товарищей не многим отличалась от нашей. Сначала — экскурсия по заводу, потом —

посещение погребов, потом — дегустация. И в конце концов — застолье-хлебосолье. Вино и чача, как всегда, текли рекой, затем для гостей спел хор мальчишек, и всех, конечно же, потянуло танцевать. И вот тут-то выяснилось, что в составе делегации есть не только революционеры, но и люди искусства, а точнее — известный композитор Энрике Хоррина и целая группа танцоров. Гости решили показать радужным хозяевам национальный кубинский танец — дансон. Кубинцы танцевали, хозяева подносили им чачу, темп танца все ускорялся, веселье било через край, все происходящее стало напоминать вакханалию. К кубинцам присоединились грузины, и даже сам Василий Павлович не выдержал и пустился в пляс. Внезапно Энрике Хоррина хлопнул в ладоши, в радостном возбуждении подбегая к танцующим и начал объяснять что-то, оживленно жестикулируя. Позвали переводчицу, и выяснилось, что из традиционного дансона получился новый танец. Тут же было решено назвать его "чача" — в честь напитка, благодаря которому он появился.

На следующее утро мало кто помнил, что происходило вечером и ночью. Головы не помнили, но тренированные тела кубинских танцоров сами выводили па нового танца. А еще все помнил Хоррина — профессионал и есть профессионал. Когда кубинцы вернулись домой, движения были отшлифованы, и скоро вся Куба танцевала "чачу". Правда, скоро к названию добавился еще один слог — так его удобнее было произносить. Новый танец стремительно завоевывал популярность. Со скоростью ветра он распространился по всему Карибскому бассейну и даже вошел в латиноамериканскую программу бальных танцев. А потом известный английский хореограф и преподаватель Пьер Лавелл посетил Кубу и пришел в восторг от нового танца. Вернувшись в Англию,

он начал преподавать его своим ученикам. Так чача-чача попал в Европу.

Множество певцов и музыкантов обращались к стилю чача-чача в своих произведениях. Это Барри Уайт и Джо Дассен, Далида и Серж Генсбур, Сантана и Ванесса Паради. Помните ее знаменитую "Joe le taxi"?

Не удивляйтесь — до того, как серьезно заняться кунг-фу, Брюс Ли выиграл в Гонконге чемпионат по танцу чача-чача. Его первый учитель вспоминал, что Брюс пришел к нему и сказал: "Учитель, я знаю, что вы прекрасно владеете кунг-фу. А я лучше всех танцую чача-чача. Так давайте обменяемся нашими знаниями".

В общем, новый танец завоевал все страны и континенты. Самая большая интрига завязалась вокруг названия — никто не мог понять, откуда оно возникло. Хоррина и танцоры, разумеется, хранили молчание. Версии начали появляться одна за другой. Одни говорили, что название произошло от испанского "Chacha" — "няня", другие — от "chachar", "жевать листья коки". Самой распространенной версией стало происхождение названия от кубинского танца guacha (гуача). Бедные исследователи! Теперь-то мы с вами знаем, как все было на самом деле.

А вот что пишут о танце в Интернете: "Во время танца пары должны передать веселый, беззаботный и развязный характер, в отличие от лиричной румбы. Если румба — соблазнение и переживание, то чача-чача — это уже сами оргии". Грузинские оргии — можем уверенно добавить мы.

И — вот совпадение — недавно было принято сократить название танца до чача. Наверное, не мы одни побывали на заводе...

Кстати, существует интересная версия — о том, что само название грузинской чачи произошло от китайского "ча" — чай. Ну что ж, и эта загадка будет когда-то разгадана заинтересованным и удачливым исследователем.

НАДМІРНЕ СПОЖИВАННЯ АЛКОГОЛЮ ШКІДЛИВЕ ДЛЯ ВАШОГО ЗДОРОВ'Я

НАДМІРНЕ СПОЖИВАННЯ АЛКОГОЛЮ ШКІДЛИВЕ ДЛЯ ВАШОГО ЗДОРОВ'Я

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067 48 03 705).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.